

2013

ВЫПУСК 9

ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

www.discourseanalysis.org

[СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС- АНАЛИЗ]

**Дифференциация и креолизация в дискурсных
практиках**

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Выпуск 9, 2013

Электронный журнал

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, д.филол.н., зав. кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»

Полонский Андрей Васильевич, д.филол.н., проф. кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»

Епанова Юлия Валентиновна, к. культурологии, ст.преп. кафедры теории и истории культуры СамГУ

Синельникова Лафа Николаевна, д.филол.н., зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Переверзев Егор Викторович, к.филол.н.

Аматов Александр Михайлович, д.филол.н., зав. кафедрой английского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Борисов Сергей Николаевич, к.филол.н., зав. кафедрой философии БелГИИК

Оберемко Олег Алексеевич, к.соц.н., с.н.с. Института социологии РАН РФ.

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра фундаментальной социологии ИГИТИ Высшей школы экономики.

Тягунова Татьяна Васильевна – университет Галле-Виттенберг (Германия).

**Центр коммуникативных и медийных исследований
«Медиаперспектива»**

Белгородского государственного национального исследовательского университета

Контакты:

e.a.kozhemyakin@gmail.com (Кожемякин Е.А.),

egorpereverzev@gmail.com (Переверзев Е.В.).

Интернет-страница журнала: www.discourseanalysis.org

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С Т.А. ВАН ДЕЙКОМ: О ТРЕНДАХ В ДИСКУРСНОМ ПОДАВЛЕНИИ, ЕВРОПЕЙСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ И ГУМАНИТАРНОЙ ЯДЕРНОЙ БОМБЕ (ЯН ТЯЖЛОВ, ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН) 4

УГО ПЕРСИ ОБРАЗ ВОСТОКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НОВАЯ ПОЛЬША» 10

ТАТЬЯНА КРАСИКОВА РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ 17

НАТАЛЬЯ ЧЕРКАШИНА ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛЬНЫХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛОВ В ОСВЕЩЕНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 22 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА В БЕЛГОРОДЕ) 26

ЕКАТЕРИНА ШАРОНОВА СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ИНАКОМЫСЛЯЩИХ» В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 20-40-Х ГГ. XX ВЕКА 32

ЭЛЛА МИНАЕВА, ТАТЬЯНА ПОНОМАРЁВА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КОДЫ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ 37

ЯН ТЯЖЛОВ ГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ О КИНО 50

АННА ОРЛОВА ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В МУЖСКИХ КОНТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ 55

ТЕН ВАН ДЕЙК:
**О ТРЕНДАХ В ДИСКУРСНОМ ПОДАВЛЕНИИ, ЕВРОПЕЙСКОМ
НАЦИОНАЛИЗМЕ И ГУМАНИТАРНОЙ ЯДЕРНОЙ БОМБЕ**

Интервью: ЯН ТЯЖЛОВ, ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН

Этой весной в России была издана книга, известного голландского лингвиста Тена ван Дейка «*Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*», европейское издание которой увидело свет еще в 2008 году.

Исследования Тена ван Дейка направлены не только на изучение структурных компонентов дискурса, но и на выявление его прагматической составляющей. Ван Дейк анализирует проблемные дискурсы подавления, расизма, сексизма, рассмотрение которых сопряжено не только с поиском критериев объективности исследования, но зачастую требует от ученого твердой позиции, ответственности, а порой - мужества и готовности отстаивать свои убеждения. Именно поэтому наши вопросы были адресованы Тену ван Дейку не только как известнейшему представителю критического дискурс-анализа (КДА), но и как интеллектуалу, ищущему отклик своей точке зрения.

Вы являетесь сегодня одним из самых известных лингвистов. Что может предложить современная лингвистика обществу?

Во-первых, я бы себя назвал, скорее, не лингвистом, а дискурс-аналитиком. Дело в том, что дискурс-анализ гораздо шире собственно лингвистики. Именно в силу его широкого предмета изучения, дискурсные исследования как междисциплинарная область может очень многое предложить обществу помимо результатов стандартных лингвистических исследований. Это, например, новые знания о политическом, медийном или образовательном дискурсах. Особенно критические дискурсные исследования ориентированы на социальные проблемы. Я, например, уже долгое время занимаюсь изучением вопросов злоупотребления дискурсом для воспроизводства расизма. И можно найти много примеров подобных исследований в отношении других форм дискурсного доминирования.

В определениях «дискурса» присутствует некоторая многоголосица, тоже можно сказать и о применении дискурс-анализа. Можете ли Вы доступно, в лексике «предвыборной речи», рассказать о том, что такое дискурс?

Понятие «дискурс» так же сложно, как и многие другие понятия в науках, например, «язык», «коммуникация», «сознание», «мозг», «общество» или «власть».

И многие другие. В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и так далее. Лингвистически говоря, дискурс – это связная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий.

Ваша первая книга «Язык. Познание. Коммуникация» появилась в русскоязычном переводе в 1989 году и оказала существенное влияние на развитие лингвистической науки в России (тогда еще СССР). В чем ценность Вашей книги «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации», второй переведенной на русский язык и недавно вышедшей в России Вашей работы? В чём актуальность критического дискурс-анализа применительно к российской действительности?

Во всех обществах мы можем наблюдать различные формы злоупотребления властью, и Россия здесь не исключение. Злоупотребления властью воспроизводятся и легитимируются в дискурсе, и в первую очередь, в политической речи на всех государственных уровнях. Критический дискурс-анализ, который подробно представлен в книге «Дискурс и власть», как раз и был разработан с целью критического изучения такого дискурсного доминирования. В этом смысле этот научный подход является демократической оппозицией. Он является в определенном смысле техническим инструментом, с помощью которого можно выявить и показать, как структуры дискурса участвуют в манипуляции и других форм управления общественным сознанием в целом, например, с помощью формирования предвзятых ментальных моделей событий в интересах властных групп.

В соответствии с третьим законом Ньютона – действию всегда есть равное и противоположное противодействие. Исключаете ли Вы возможность использования методологии критического дискурс-анализа как инструмента все того же дискурса подавления? Может ли сам подход стать средством дискурса подавления? Возможна ли здесь своеобразная «гонка вооружений» между критическим дискурс-анализом и дискурсами доминирования?

Метафора интересная, хотя, конечно же, неверная, поскольку она предполагает, что сопротивление злоупотреблениям властью – это тоже злоупотребление, как в случае с гонкой вооружения. Конечно, злоупотребления властью могут становиться всё более и более изощёнными и неочевидными, но ведь и исследователи и их аудитория тоже не стоят на месте, и через критическое образование они передают знание о базовых принципах злоупотребления властью, а значит, могут распознать различные формы манипуляции. Естественно, критический дискурс-анализ и его прикладные формы – это процесс постоянного обучения, поскольку приходится всё время

адаптироваться к новым формам злоупотребления властью. Это, кстати, касается также исследований прав человека и практики их защиты, так как тоже приходится постоянно совершенствовать свою методiku в зависимости от новых форм нарушения прав человека.

Может ли парадигма критического дискурс-анализа стать узальной? Возможно ли внедрение КДА на мировоззренческом уровне, как дарвинизм или психоанализ? Каковы сценарии развития КДА?

Конечно, можно надеяться на то, что критический дискурс-анализ станет более доступным широкой аудитории, ведь в какой-то момент стали доступными грамматика и риторика в школах. А если журналисты будут всё чаще обращаться к методологии критического дискурс-анализа, то это тоже будет способствовать широкому распространению методов КДА в повседневной жизни. Только я боюсь, что это всего лишь надежда, а не сценарий будущего.

Интеллектуалы критически относятся к деструктивным риторикам. Дискурсы подавления направлены на социальные группы, не обладающие иммунитетом критического анализа действительности. Знаете ли Вы, как повысить значимость критического взгляда на жизни среди широких слоев населения?

Конечно. Общее образование, начиная с младших классов, должно быть построено так, чтобы мы учили людей быть критически настроенными гражданами демократических государств, снабжать их интеллектуальными инструментами сопротивления злоупотреблениям дискурсивной властью символическими элитами, особенно в политике, СМИ и образовании. Мы учимся читать и писать, но нам стоит не только учить грамматику, но и учиться критически анализировать формы дискурса, влияющие на сознание людей.

Часто европейские (западные) СМИ представляются россиянам как оплот демократии, политкорректности, толерантности, модель для подражания, но в своих публикациях вы исследуете дискурс расизма, предубеждений именно в европейских СМИ. Насколько глубока кроличья нора?

Некоторые «западные» массмедиа, бесспорно, являются высококачественными, но это совсем не значит, что они совершенны. Как я показал в своих работах по расизму, многие СМИ участвуют в воспроизводстве расизма, и есть целый ряд исследований, из которых следует, что СМИ – это часть проблемы сексизма. Большинство СМИ, в том числе на Западе, легитимируют или поддерживают милитаризм, а также производство и использование оружия и в частной сфере, и в международных конфликтах. Последовательно «пацифистских» СМИ на Западе не существует. И это касается многих других форм неравенства и нарушения прав человека в СМИ.

Абсолютно везде массмедиа тесно связаны с властными политическими структурами, а значит, участвуют в их злоупотреблениях властью. И независимые массмедиа – поскольку они вынуждены выживать, что и делают, главным образом, за счёт рекламы, они тоже очевидным образом не могут быть слишком критичными в отношении злоупотребления властью различными корпорациями.

Какие формы дискурсного подавления сегодня в тренде в европейских СМИ? Можете ли привести примеры?

Я занимался в основном изучением роли массмедиа в воспроизводстве расизма в Западной Европе, об этом многое знаю и об этом многие мои работы. Лучшие западные СМИ внешне выражают критическое отношение к крайне правым, но редко в отчетливой антирасистской перспективе. Что касается обсуждаемых сегодня тем в прессе и политике – это, конечно же, экономический кризис. Многие СМИ довольно критично настроены по отношению к политикам и их партиям, банкам и банкирам. Это даёт подпитку многим формам сопротивления, например, движению 15-M в Испании. Но еще нужно внимательно посмотреть, выступает ли медийное освещение кризиса формой сопротивления. Помогают ли журналистские публикации понять причины кризиса, пороки современного капитализма, злоупотребление властью международными корпорациями, банками и крупными игроками на рынке? Сомневаюсь.

Можно ли выявить доминирующие дискурсы, если не применять КДА?

Конечно, если кто-то имеет личный или групповой опыт, связанный со злоупотреблением властью, то для них распознать дискурсивное доминирование не составит особого труда. Но ведь этого недостаточно, да и не обязательно иметь этот опыт. Дискурс – это совсем не простое явление, и нам всем стоит учиться распознавать стратегии манипуляции – и сопротивляться им.

Сегодня в Европе ультраправые силы обретают все большее число сторонников. С чем это связано?

Возрастающее влияние крайне правых сил вызвано многими причинами, и главная из них – это тот же экономический кризис. Мы уже наблюдали схожую ситуацию в Германии после кризиса 1929-го года. Электорат уже не доверяет ведущим партиям, склоняется к более экстремистским, популистским партиям, особенно тем, которые во всём винят Других – иммигрантов, беженцев. Типичный пример – партия независимости Великобритании. Но главное – мы не должны объяснять рост расизма, национализма и ксенофобии в Европе исключительно в терминах экономического кризиса. Расистские партии во Франции, Австрии, Дании, Голландии, Италии и других европейских

странах расцветают уже несколько последних десятилетий, до кризиса – во многом, вследствие роста иммиграционных потоков. Расизм – это одна из главных проблем Европы вот уже несколько столетий, и был основной идеологией в дискурсе европейских элит, начиная с 18 века. Речь идёт и об утверждении превосходства белых европейцев над неевропейскими народами, и о легитимации рабства, колониализма, апартеида и сегрегации в Европе, Северной и Южной Америке, Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии. В этом смысле современный расизм в Европе – далеко не новое явление. Да, современный дискурс европейских элит не настолько откровенно расистский, как это было раньше, и расизм не рассматривается сейчас в публичном пространстве как главная проблема общества – несмотря на ужасы рабства, колониальную политику недавнего прошлого, холокост, резню в бывшей Югославии и нынешнюю популярность откровенно расистских партий в Венгрии и Греции.

Существует ли в современном обществе запрос на гуманитарные исследования? Сегодня многие интеллектуалы говорят о кризисе социально-гуманитарного знания. Подтверждаете ли вы этот диагноз?

Я не настолько пессимистичен. Конечно, многие студенты скорее предпочтут получать образование в сфере МВА, а не КДА! Но и на программах МВА мы можем и должны вводить основы критического дискурс-анализа. Ведь сейчас вообще наблюдается тенденция фокусироваться на социально ответственном бизнесе, что является следствием экономического кризиса.

Из концепции КДА следует, помимо прочего, что социальные исследования должны нести прагматическую направленность. Как Вы оцениваете работу исследователей, которые занимаются наукой ради науки?

КДА – это не метод и не теория, а движение дискурс-аналитиков, которые обращаются к изучению социальных проблем, таких как злоупотребление властью. Я ничего не имею против тех учёных, которые занимаются наукой ради науки, это вполне оправдано, ведь они очень многое делали и делают для развития научного аппарата, в том числе в области изучения языка, дискурса и коммуникации. Мне вот только кажется, что привилегированное положение многих из нас, исследователей, получающих к тому же деньги из государственного бюджета, обязывает нас применять наши наработки для развития общества и сопротивления формам (дискурсного) доминирования, как, например, в случае с расизмом или сексизмом.

Долгое время Вы работали в Амстердамском университете, но с 1999 года работаете в университете Помпеу Фабра в Барселоне. С чем было связано решение перейти в другой университет? Были ли эти изменения связаны с вашей научной деятельностью?

Главная причина – личная. Хотя, не буду скрывать, что мои критические исследования расизма сталкивались с сопротивлением в лице властных интеллектуальных элит в Нидерландах, особенно в СМИ.

Вопрос этоса в гуманитарном познании. Могут ли навредить открытия в области гуманитарных наук? Можно ли в гуманитарной области изобрести «ядерную бомбу»? Есть ли тому примеры?

Эта метафора мне тоже кажется слишком надуманной. Конечно, можно вообразить себе какой-нибудь Прекрасный Новый Мир, в котором сознание граждан идеологически обрабатывается, чтобы они могли принимать доминирующие дискурсы и стили мышления, но это ведь выдумка. В повседневной реальности мы должны быть счастливы просто потому, что студенты и преподаватели – в рамках более широких программ образования правам человека – критически изучают актуальные формы злоупотребления властью в дискурсе.

Разве советский социальный эксперимент – это не пример того, как Прекрасный Новый Мир стал реальностью? С идеологической точки зрения он был вполне успешен. Марксизм-ленинизм стал и научной парадигмой, и мировоззренческой основой большинства. Сегодня значительная часть российской общественности, критически настроенная по отношению к власти, опасается повторения сценариев ушедшего века. Может ли Россия или иное «развитое» общество возродить авторитарные или монополистические дискурсы так, чтобы они определяли наше мировоззрение?

КДА – это именно *научная* критика злоупотреблений властью. Никаких сомнений нет, что в современной России существует множество форм злоупотреблений властью – например, в политике. КДА очень хорошо подходит для критики такого рода доминирования. А вот **отсутствие** критики как раз и может привести к возрождению авторитарных практик советского образца.

Май 2013

УГО ПЕРСІІ

**ОБРАЗ ВОСТОКА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НОВАЯ ПОЛЬША»**

Массмедийный дискурс – феномен, порождаемый деятельностью масс-медиа (Добросклонская 2008; Засурский 2007; Кириллова 2006; Кожемякин 2010; Солганик 2005). Совокупность его целей «выводится из потребности общества... в актуальной информации, позволяющей человеку увидеть себя в знаках и координатах совершающейся (событийной) жизни», одной из таких координат является «переживаемая территория» (Полонский 2009: 15). В данной работе хотелось бы обратить внимание на польский русскоязычный журнал «Новая Польша» и на образ Востока, воссоздаваемый на его страницах.

Журнала «Новая Польша» появился в конце XX столетия. Главной целью его, по мысли Е. Гедройца, должно было стать устранение предубеждений, существующих между народами, прежде всего между поляками и русскими, поэтому журнал ставил перед собой задачу привлекать авторов, готовых не только спорить, но и слушать, авторов, для которых актуальными являются ценности диалога на основе уважения и объективного знания, прежде всего о славянском мире (Прим.1.).

Таким образом, журнал «Новая Польша» как будто не ориентирован на темы, связанные с Востоком, однако нужно иметь в виду, что благодаря особенностям польской культуры и польского менталитета поляки даже европейскую Россию воспринимают как «восток». Знаковым в связи с этим является переименование Общества польско-советской дружбы в Общество сотрудничества «Польша-Восток».

Ощущение перспективного удаления формируется в журнале как в географическом и геополитическом, так и в историко-культурном плане. В первом случае – благодаря статьям и интервью политического, политико-экономического и географически-одепорического (Прим.2) содержания. Во втором – благодаря статьям о «восточном» опыте жизни поляков. Мы коснемся прежде всего историко-культурного аспекта. В поле нашего зрения будут многочисленные статьи, опубликованные в «Новой Польше» и имеющие, с разных точек зрения и в разном масштабе, своим объектом Восток, однако не в строго географическом определении, а скорее как ощущение, включающее такие территории, как, например, Сибирь, Казахстан, Узбекистан и Грузию.

В поле нашего зрения находятся статьи следующего типа:

- 1) статьи о присутствии поляков или их потомков на названных территориях;
- 2) статьи одепорического характера о дневниках, путевых заметках и воспоминаниях поляков, уехавших на Восток, как добровольно, с научной целью, так и в ссылку;

3) статьи литературного содержания, рассказы, стихотворения.

Надо заметить, что многие статьи имеют смешанный характер.

Так, например, статья Камилы Шиманчик предлагает особый и весьма интересный аспект отношений Польши с восточным миром благодаря тому, что речь идет о татарах, которые пришли и поселились в Польше. В 1400 г. королю Яну III Собескому грозило бы поражение со стороны турецкой армии, если бы татарский капитан Крычинский не оказал ему поддержки, разгромив вражеские войска. Король наградил его именем Крушинианы в Бялыстокской области, где поселилось около 400 человек татарского происхождения. До сегодняшнего дня жители этих сел исповедуют ислам и живут в совершенно добром согласии с католиками и православными и носят фамилии, свидетельствующие об их татарском происхождении.

Поляков татарского происхождения сейчас около 3000, однако мало тех, кто остался на родной территории. В селе Бохоники четыре семьи, а в Крушинианах только две. Несмотря на это, во время первого полнолуния после католической Пасхи к деревянной мечети Бохоник съезжаются многие представители того племени. Мечеть в Бохониках – самая древняя в Польше, так как она была построена около середины XVIII века. На могилах можно прочитать имена, экзотически звучащие в тех краях – Фатима, Зулейка, Осман, однако польские татары не хотят, чтобы их считали объектом любопытства, потому что они чувствуют себя настоящими поляками.

В статье Алексея Волкова, посла и полномочного представителя Казахстана в Польше, речь идет о поляках, живущих в Казахстане. Волков напоминает, что первый поляк, документально присутствующий на территориях, соответствующих современной Казахской республике, был монах Бенедикт Полак, который отправился вместе с итальянским монахом Джованни да Пиан дель Карпине в монгольскую империю в 1246 г. Хорошо известны сведения, которые Джованни, один из сотоварищей Франциска Ассизского, оставил об обычаях и нравах кочевых народов Средней Азии в своей книге «Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus» – одном из основных документов истории европейского средневековья. Необходимо все же совершить немаленький скачок времени, то есть до 30-х годов XIX века, чтобы установить первые значительные приезды поляков на казахские территории, однако, увы, в связи с трагическими судьбами политических каторжников. Среди них находились такие выдающиеся лица, как, например, Адольф Янушкевич, соратник Адама Мицкевича и незаурядный знаток обычаев казахов и казахского языка. Научный плод его знаний – книга, опубликованная в Берлине и Познани в 1861 г., «Listy ze stepow kirgizkich». Другой важной личностью был Густав Зелинский, автор знаменитой поэмы «Kirgiz. Powieść». Польского происхождения был другой знаменитый исследователь казахских традиций – русский музыковед Александр Затаевич, чье собрание сверх двух тысяч казахских песен до сих пор остается уникальным. Затаевич в 20-х годах XX века переехал в Оренбург, главный в ту эпоху город Казахстана.

Под предлогом «ненадежности» и сговора с польской тайной службой

безопасности сталинская репрессия на Украине в 30-х годах жестоко ударила по польскоязычному населению. Вследствие того было депортировано в Казахстан около ста девяноста тысяч человек. Прием поляков со стороны казахов было в общем доброжелательно. Вопреки весьма сложным условиям жизни поляки в Казахстане не потеряли своей национальной культуры. Поэты, например, выражали в стихах окружающую действительность – пейзажи, отношение с местными людьми, беседы с ними вокруг костра о красоте и горестях жизни. Интересная и, может, не всем известная деталь – то, что во время Великой Отечественной войны именно в Казахстане была создана армия знаменитого польского генерала Владислава Андерса.

Сегодня в Казахстане проживает около пятидесяти тысяч поляков, хотя их было бы два раза больше, если учесть тех, кто был прописан как русский или украинец. Самые компактные группы живут в северных и алма-атинской областях. Казахстанские поляки очень активны: среди них отличаются юристы, ученые, бизнесмены. Их интеграция в социальную ткань страны можно уже считать совершенным фактом, которому способствовала социальная политика Казахстана, характеризующаяся максимальной этнической толерантностью. Вследствие того предложение репатриации, сделанное Польшей своим соотечественникам в 2001 г., проживающим в Казахстане, осталось практически без ответа. Сейчас особенно интенсивный обмен между двумя странами наблюдается в области образования молодежи. Небезынтересно заметить то, что в Казахстане существует телевизионный канал «Полония».

Поляки, воюющие против царизма, которые в течение XIX века были арестованы и отправлены в ссылку, не направлялись исключительно в Сибирь, но и на Кавказ. Первый значительный контингент поляков оказался в Грузии в 1832 г., а в начале XX века самая компактная польская колония находилась в Тбилиси. Среди них были юристы, инженеры, садовники, купцы и ремесленники. Отношение между поляками и грузинами, может быть, благодаря сходству некоторых аспектов их историй, всегда отличалось глубоким взаимопониманием. В первые годы советской власти много поляков грузинского происхождения, как и их соотечественники из Казахстана, были зарегистрированы как русские или украинцы, однако, наверное, благодаря большей возможности транспортных связей с Европой, большинству из них удалось эмигрировать.

По неофициальным оценкам в Грузии сегодня проживает около восьми тысяч поляков, хотя многие считают себя скорее грузинами польского происхождения. По этим причинам польская культура в Грузии не очень активно представлена. Выделяется, однако, деятельность Ассоциации грузинских поляков и Польской школы в Тбилиси, в которой 135 детей (в 2008 г.) изучает язык, историю и географию Польши. Польская школа в Тбилиси предлагает себя также в качестве центра объединения тех, кто по разным причинам заинтересован в этой стране. Школа намеревается также стать культурным мостом к Турции, стране в которой, недалеко от Стамбула, живут потомки поляков, не имеющих возможность пользоваться польской школой.

Эта первая группа статей показывает, насколько «Новой Польше» важно стать своего рода соединительной тканью Полонии, распространенной в русском или бывшем «советском востоке», и навести «мосты» между метрополией и эмиграцией. Иногда это получается, возможно, с некоторой натянутостью, как, например в случае музыковеда Затаевича, которого, несмотря на его безусловные польские корни и недолгий период деятельности в Варшаве, родившегося около Орла, по всей видимости, все же нужно считать настоящим русским музыковедом.

Другой элемент, объединяющий статьи журнала, это подчеркивание хороших отношений поляков с народами, которые их принимали. Создается впечатление, что хотелось выделить определенную солидарность среди угнетенных народов при тотальном молчании обо всем русском, к которому, при необходимости, обращаются лишь беглыми отрицательными намеками. Как кажется, это противоречит принципам беспристрастности и преодоления идеологических предубеждений, с самого начала провозглашенным журналом. В самом деле, иногда больше поражает несказанное, чем написанное, хотя в данном случае, повторяем, дело касается небольших статей, не претендующих на какое бы то ни было обобщение.

Состав, безусловно, более интересный с методологической и научной точки зрения образуют статьи, посвященные перипетиям поляков, которые, несмотря на свою трагедию, на «русском востоке» смогли работать и способствовать развитию науки и знанию вообще. В этой перспективе выделяются статьи Антония Кучинского (прим. 3) «Поляки в истории Сибири и записки Адама Каменского-Длужика» (№ 5/2001), «О поляке, который Сибирь описал и с Пугачевым воевал» (№ 4/2001) и «Он Сибири не боялся» (№ 5/2000).

В начале своей первой статьи А. Кучинский подчеркивает, что имена многих польских сосланных, волей или неволей способствовавших русской экспансии на восток, остались без следов и без истории. Наоборот, другие имена вошли в летопись русско-польских отношений и не только как просто имена, а как люди, которые стали основателями городов или авторами важных произведений другого порядка, освещающих историю Сибири. Первым из этих произведений можно считать «Диариуш» («Дневник») Адама Каменского-Длужика. Будучи арестованным в 1660 г. и сосланным в Якутск, Каменский-Длужик оставался в этом городе с 1664 до 1668 г. и работал сторожем в местной тюрьме (Прим. 4). В «Диариуше» описания Сибири следуют друг за другом по этапам путешествия из Москвы в Якутск: города, реки, горы, население и его обычаи, нравы и религиозные верования, виды транспорта. Народы, о которых автор говорит подробнее – тунгусы и, в особенности, якуты, являющиеся искусными кузнецами благодаря изобилию железа, находящегося в рудниках на берегах Лены, и умелыми охотниками, снабженными отличными кинжалами, топорами и наконечниками стрел, ими самими кованными.

Вторая статья А. Кучинского «О поляке, который Сибирь описал и с Пугачевым воевал» касается Карола Лубича-Хоецкого, барского конфедерата (прим. 5), автора книги воспоминаний, ценность которой подтверждена

многочисленными изданиями: в 1789 и 1790 гг. на польском языке, в 1883 и 1886 гг. на русском, в 1992 и 1997 гг. снова на польском. Речь идет об одном из первых значительных документов об огромных зауральских территориях, а также о сражениях между царской армией и сторонниками Пугачева, о потерях и о варварстве и той, и другой стороны. Лубич-Хоецкий описывает обычаи и нравы киргизов, однако добавляет сведения о присутствии русских купцов, которые в то время организовали важные ярмарки в тех краях. Эти сведения доказывают также то, что до русской экспансии казахи занимали территории, находящиеся значительно севернее по сравнению с сегодняшними границами. Лубич-Хоецкий подчеркивает, что сосланные поляки пользовались хорошей репутацией, что не только сибиряки им помогали и облегчали их страдания, но и органы власти некоторых городов, через которые они проезжали, например Казань, Тару и прежде всего – генеральный губернатор Тобольска, дома у которого, как рассказывает автор, поляки бывали «десятками» за столом, так как застолье было у губернатора не только щедрым, но и открытым большому количеству людей. С другой стороны автор отмечает, что в то время были и телесные наказания, и духовно-нравственное притеснение. Воспоминания К. Лубича-Хоецкого являются одним из самых важных источников о сибирско-польских и вообще русско-польских отношениях.

В своей третьей статье А. Кучинский рассказывает о судьбах художника Бронислава Залеского (1820-1880 гг.), исходя из издания, вышедшего за 10 лет до русско-казахского перевода книги «*La vie des steppes kirghizes*» («Жизнь киргизских степей»), опубликованной в Париже в 1865 г. Речь идет об одном из самых значительных этнографических исследований всех времен о населении Казахстана, о котором все-таки широкая казахская публика узнала с опозданием в сто двадцать пять лет. Книга украшена ценными литографиями, сделанными самым автором. Б. Залеский, происходящий из аристократической семьи, поступил в Дерптский (Тартуский) университет, однако из-за патриотической антирусской деятельности его выслали в Черниговскую губернию. Из Чернигова он переехал в Вильнюс, однако из-за повторной антирусской деятельности его завербовали рядовым в отряд, отправляющийся в Оренбург. Там он оставался десять лет и подружился с Тарасом Шевченко. Он был в качестве рисовальщика в многочисленных экспедициях в Казахстане, в течение которых мог наблюдать за жизнью и нравами людей и зафиксировать их в своих рисунках: юрты степных кочевников, женщин, погребальные обряды, торговые навыки и многое другое. Из книги Залеского мы узнаем, например, что ислам не принес значительных изменений в жизни казахского общества и в его духовной культуре, а, наоборот, феодальный строй, основанный на власти беев, подрывали отдельные договоры, заключенные с ними русским правительством. Кроме того, Залеский говорит о том, что первые польские сосланные в Оренбург по политическим причинам уже в XVIII веке были именно конфедераты Бара. Особенно интересен тот факт, подчеркнутый Залеским, что русской экспансии на восток и потом с отрога Урала на юг к Казахстану значительно способствовали именно поляки, рекрутированные в русскую

армию. После освобождения Залеский прожил несколько лет в Минске, а затем окончательно переехал в Париж, где активно действовал в польской эмиграции. Умер Залеский в Ментоне – городе на французском средиземноморском побережье.

Марек Карпинский в публикации исключительно информационного характера «Сибирь – общее историческое пространство» предлагает вниманию читателей «Новой Польши» еще одного персонажа польской истории. Речь идет о Шимоне Токажевском, аристократе, арестованном из-за бунтарской деятельности и сосланном в Сибирь. Он передвигался по этапу в Омск целый год. Там он разделял каземат с Федором Достоевским и Сергеем Дуровым. Омск, однако, не был его последним этапным пунктом. Затем были Александровск на Амуре, Иркутск и Благовещенск. Токажевский вернулся в Варшаву в 1883 г. С того момента он начал писать свои воспоминания, собранные в недавно появившемся, почти 1000-страничном русском издании под названием «Сибирское лихолетье» (Прим. 6).

Нельзя не заметить в целом высокий культурный уровень журнала «Новая Польша», широкую палитру его интересов и похвальное намерение ознакомить обе стороны – российскую и польскую – с историей одного и другого народов, в том числе представляя малознакомые аспекты. Однако остается все же впечатление, что в подборе материалов есть «настаивание» на «старых ранах» Польши. Это оправдано в историческом плане, тем не менее, вызывает сомнения для будущего. Ошибки прошлого неоспоримы, но только на основе доброй воли можно строить будущее взаимопонимание.

Журнал «Новая Польша» может многое сделать в этом направлении.

Список литературы:

- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – М., 2008.
- Засурский Я.Н.* Медiateкст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. – М., 2007.
- Кириллова Н.Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. – 2-е изд. – М., 2006.
- Кожмякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. 2010. – Т. 6. № 12; Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7 – 15.
- Полонский А.В.* Сущность и язык публицистики. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – С. 15.
- Полонский А.В.* Сущность и язык публицистики: Учебное пособие. – Белгород, 2009.
- Солганик Г.Я.* К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7 – 15.

Примечания:

1. <http://www.nowpol.ru/index.php?id=63>
2. Одепорический – относящийся к путевым заметкам, дневникам и т.п.
3. А. Кучинский – этнолог, профессор Вроцлавского университета и директор Центра исследований о востоке при том же университете, редактор книги «Syberia w historii i kulturze narodu polskiego» (Wrocław, 1998).
4. Этот факт установлен архивными исследованиями русским историком Б. Полевым, но в своих воспоминаниях сам Каменский-Длужик о своей службе в якутской тюрьме не упоминает.
5. Барская Конфедерация - вооруженная патриотическая ассоциация шляхты, разгромленная русским властями в 1772 г.
6. Изд. Кузбассвузиздат. Кемерово, 2007 г. По мнению автора статьи на польском языке существует только издание, сделанное сто лет назад.

ТАТЬЯНА КРАСИКОВА

tkrasikova@inbox.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ

Любой журналистский текст опирается на конкретных личностей: действующих лиц события, ньюсмейкеров, экспертов и т.д. Категория «герой» - ключевая для продукта медиакommunikации. В этой связи в исследованиях дискурса СМИ нам представляется особенно актуальной теория социальных субъектов (теория социальных акторов; theory of social actors) Тэо ван Левена. В критическом дискурс-анализе он предлагает исходить из особенностей репрезентации так называемых *социальных акторов*. Под ними он подразумевает «участников социальных практик» (van Leeuwen, 2008, 23). Исследователь рассматривает лингвистические способы их представления в текстах СМИ, что дает необходимую основу для понимания политики средств массовой информации и подоплеку отражаемых в СМИ событий.

Тэо ван Левен выделяет десять способов репрезентации социальных акторов в медиатекстах.

1. *Исключение* (exclusion). «Некоторые социальные акторы, которые являются в действительности частью действия, события или практики, могут быть не учтены, остаться нерепрезентированными», отмечает ван Левен (vanLeeuwen, 2009, 282). Предполагается, что некоторые детали читатель знает или предполагает. Однако такие исключения могут быть незначительными или же, наоборот, создавать проблему, предотвращая полное понимание того что произошло, т.е. мешая читателю понять реальное положение дел. Ван Левен выделяет два основных способа исключения: преднамеренное замалчивание (suppression) или своего рода «оставление в тени» (backgrounding), т.е. отнесение акторов на задний план.

2. *Распределение ролей* (role allocation). Социальные акторы могут быть репрезентированы либо как активные участники действия, либо как пассивные.

3. *Обобщение и спецификация* (generalization and specification). Ван Левен отмечает, что «выбор между отсылкой на обобщение или спецификацию – важный фактор в репрезентации социальных акторов» (van Leeuwen, 2008, 35), поскольку они могут быть представлены, к примеру, как класс (эмигранты, европейцы), или же как определенные идентифицируемые индивиды.

4. *Ассимиляция* (assimilation). Используя этот способ репрезентации, о социальных акторах говорят как о конкретной группе. Чаще всего в этом случае указывается их количество («Сорок процентов австралийцев родились за границей» (пример ван Левена –van Leeuwen, 2008, 38).

5. *Объединение и разобщение* (association and dissociation). Объединение – еще

один способ репрезентации социальных акторов именно как группы. Причем они не отмечены в тексте как основные социальные акторы, о которых идет речь.

6. *Индетерминация или дифференциация* (indetermination and differentiation). При индетерминации социальные акторы представлены неопределенно или даже как анонимные индивиды/группы, чье определение по сути не важно (часто это передается словами «некоторый», «некто», «каждый»). Дифференциация, наоборот, позволяет отличить социального актора среди других подобных ему.

7. *Номинация и категоризация* (nomination and categorization). В первом случае социальные акторы представлены в терминах своей уникальности, самобытности. Номинация может быть формальной (к примеру, название по фамилии), полуформальной или неформальной. В случае категоризации социальные субъекты представлены в терминах, по которым можно определить их тождественность с другими социальными категориями.

8. *Функционализация и идентификация* (functionalization and identification). Это два типа категоризации. Первый представляет социального актора в терминах его деятельности, рода занятий, профессиональной роли (корреспондент, редактор). Идентификация репрезентирует социального актора в терминах, по которым «для общества (или его части) он постоянен» (van Leeuwen, 2009, 284). Ван Левен выделяет здесь три типа:

- классификация (classification): социальный актор представлен в терминах его социальных и демографических характеристик: возраст, пол, происхождение, класс, уровень обеспеченности, раса, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация и др.;

- ролевая идентификация (relational identification): социальный актор репрезентирован с помощью терминов родства или понятий, характеризующих рабочие отношения (друг, коллега, брат и т.д.);

- физическая идентификация (physical identification): используются термины, указывающие на физические характеристики (блондин, брюнет и т.д.).

Также социальные акторы могут быть репрезентированы в терминах, в которых просматривается конкретная оценка (appraisement).

9. *Персонализация и деперсонализация* (personalization and impersonalization). В первом случае «социального актора представляют как человека (humanbeings) через личные или притяжательные местоимения, имена собственные – существительные, которые включают в себя черты «человека» (van Leeuwen, 2009, 285). Социальные акторы могут быть также деперсонализированы, представлены, к примеру, абстрактными или конкретными существительными, исключаящими семантические черты «человека» (van Leeuwen, 2009, 285).

10. *Сверхдетерминация* (overdetermination). Возникает в случае, если социальный актор репрезентирован в более чем одной социальной практике.

Опираясь на теорию Тэо ван Левена, мы попытались определить

характеристики репрезентации социальных субъектов (акторов) конфликтной ситуации в текстах СМИ.

В качестве предмета исследования был выбран конфликт, в котором основными фигурантами выступили депутат Госдумы Андрей Исаев и главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев.

Были проанализированы корпусы текстов «Новой газеты», «Независимой газеты», «Известий».

Описание конфликтной ситуации

Для начала рассмотрим, с чего начался конфликт в социальной реальности. 16 марта 2013 года на сайте газеты «Московский комсомолец» появляется публикация Георгия Янса «Политическая проституция сменила пол». В материале идет речь о трех женщинах-депутатах фракции «Единая Россия», Ирины Яровой, Ольги Баталиной, Екатерины Лаховой, которые, по мнению автора, не придерживаются принципиальных политических взглядов. Одна в свое время поменяла членство в оппозиционной партии на место в правящей. Другие – отказались от идей, которые прежде яростно отстаивали. Подобное поведение в статье журналист обобщил в давно существующем понятии – «политическая проституция».

В тот же день на материал «МК» отреагировал однопартиец вышеупомянутых героинь Андрей Исаев. В своем микроблоге в Twitter он написал: «В желтой газетенке мерзкий, подлый, грязный наезд на 3-х женщин-депутатов. Мерзавцы, сделавшие это, должны знать: тут точно не забудем, не простим!». Часом позже появилась еще одна запись: «Мелкие твари – расслабьтесь, вы нам безразличны. А вот конкретный редактор и автор ответят жестко».

Павел Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», реагируя на твиты, пишет заявление в Генпрокуратуру и Следственный комитет с просьбой защитить журналистов его издания. Госдума, в свою очередь, готовит постановление о недопустимости злоупотребления свободой слова в СМИ.

Одновременно с развитием конфликта во многих СМИ появляются материалы, повествующие о скандальной ситуации. И каждое СМИ явно или скрыто принимает в ней определенную сторону, в том числе по-разному, представляя ее главных социальных акторов.

Анализ репрезентации социальных акторов конфликтной ситуации в медиатекстах

«НОВАЯ ГАЗЕТА»

Уже на примере заголовков видно, что «Новая газета» допускает в репрезентации конфликта один шаг – издание начинает определять ситуацию с описания действий Исаева. В каждом заголовке упоминается именно он. Либо через прямую номинализацию – по фамилии, либо через метафорическую,

называя депутата «мстителем». Ср.: *«Депутат-единоросс Исаев о журналистах (или об избирателях?): мелкие твари – расслабьтесь, вы нам безразличны»*, *«Уловимые мстители»*, *«Почему угрозы депутата Исаева нельзя оставить без ответа»*. Посредством заголовков четко определяется информационный повод, который конкретизируется далее в публикациях: *«Единоросс Андрей Исаев позволил себе угрозы в адрес журналистов»* («Новая газета», 16 марта, 2013). Поводом для публикаций стали неоднозначно интерпретируемые действия депутата. Андрей Исаев представлен как «агрессивный» агент, виновник конфликта.

Любое упоминание о нем далее в текстах обязательно включает номинацию его партийной принадлежности – *«депутат-единоросс»*, *«депутат Андрей Исаев»* и т.д.

Должность Исаева в Госдуме авторы упоминают тогда, когда хотят подчеркнуть несоответствие его высокого статуса реальным действиям в отношении «Московского комсомольца»: *«На статью сразу же отреагировал заместитель секретаря генерального совета «Единой России», председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Андрей Исаев, оставив две записки в своем микроблоге»* («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года). Также используется номинации «рыцарь» и «народный избранник» в ироническом контексте: *«О каком нарушении закона идет речь, народный избранник умолчал...»* («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года).

В последних публикациях журналисты делают образ Исаева еще более негативным. Он получает новые оценочные номинации: *«Да и бывший товарищ, ныне господин Андрей Исаев – вовсе не исключение из правил. Он проделал долгий и извилистый путь, похожий на ветвистую линию судьбы на ладони, от активиста-анархиста через грехопадение с профсоюзным движением в «Единую Россию»...»* («Новая газета», 18 марта, 2013). Журналисты стараются подчеркнуть и переменчивость политических взглядов самого Исаева, обращаясь к его прошлому: *«Когда-то бывший социалист-анархист славился...»*.

В целом, можно сказать, что именно Исаев стал объектом нападков для журналистов «Новой газеты».

В первых материалах для Яровой, Баталиной и Лаховой авторы выбрали одну номинацию: «депутаты». Однако их образы сразу репрезентированы как отрицательные. В текстах нет простой констатации их объективных обязанностей в Государственной думе. Журналисты, пересказывая исходную конфликтную статью, лишь упоминают о действиях депутатов, которые стали предметом спора. Так, авторы непостоянство их взглядов и действий передают глаголами *«сменила»*, *«изменила»*, *«переколебалась»* (*«Первая легко сменила беспокойное «Яблоко» на уютную «Единую Россию»...»*, *«А Ольга Баталина и вовсе за полгода изменила позицию, касательно сирот»*). Журналисты «Новой газеты», таким образом, показали свою солидарность с автором конфликтного материала «Московского комсомольца».

Далее же оценка женщин-депутатов принимает еще более негативную окраску. «Новая газета» «присваивает» в своих текстах номинации «МК» и добавляет свои лексемы с резко негативной семантикой. В частности, авторы в

отношении Яровой, Баталиной, Лаховой используют обозначение «проститутки» (однако, закавычивая эту номинацию в своих текстах) и «политические содержанки». К примеру, «Почему история с «проститутками» задела именно секретаря генсовета партии» или «Идею о политических содержанках, готовых лечь под любую партию, журналист проиллюстрировал примерами трех представительниц «Единой России» - Ирины Яровой, Ольги Баталиной и Екатерины Лаховой» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года).

Ответного слова, мнения женщин-депутатов об оценке их деятельности в публикациях нет.

Совсем иначе репрезентированы социальные акторы противоположной стороны конфликта. Стороны «Московского комсомольца» представлены только через функционализацию, то есть по их профессиональным ролям, без открытой оценки – «главный редактор», «главред», «заместитель главного редактора», «автор текста». Что показывает их, прежде всего, как простых исполнителей своих профессиональных обязанностей, но не активных участников конфликта. Наоборот, социальным акторам «МК» приходится «отбиваться» от агрессивных нападков Исаева и его однопартийцев. Павел Гусев, а через него и все журналистское сообщество, предстает в качестве жертв: «Я считаю, что в словах известного политика, которыми он унижил всех журналистов, содержится опасность для их жизни» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года). Положение жертвы далее подчеркивается повествованием о действиях Гусева по обращению за защитой («... написал заявление... в адрес генпрокурора и глав СКР», «просит возбудить уголовное дело против Исаева...», «предоставить защиту для двух журналистов»).

Кроме того, подчеркивается и особая должность Гусева в медиасообществе – председатель комиссии Общественной палаты по защите свободы слова и председатель Союза журналистов Москвы, что в контексте конфликта делает акцент на его «благородном» профессиональном статусе.

В целом, прямой речи по поводу скандальной ситуации со стороны Гусева в текстах «Новой газеты» однозначно больше: шесть цитат главреда «МК» против одной Исаева.

В корпусе текстов «Новой газеты» отмечены и другие, скажем, второстепенные, социальные акторы. Прежде всего, это депутаты Госдумы, (а также в целом фракция «Единая Россия»). Они обозначены как «коллеги Исаева «по цеху», парламентарии, депутаты, единороссы, названы их конкретные должности и имена («секретарь генсовета партии Сергей Неверов»). Их действия авторы издания расценивают как «способы отмщения». Высказывание Исаева главред «МК» оценивает как разжигание ненависти к профессиональному сообществу.

Если говорить о репрезентации конфликта в целом, можно отметить, что в «Новой газете» он представлен как конфликт между депутатом Андреем Исаевым и всем журналистским сообществом. Виновником в этой репрезентации однозначно выступает партиец «Единой России».

«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА»

Как и в «Новой газете», здесь уже в заголовках конфликт представлен в особом ракурсе. Снова его «зачинщиком» показан депутат Андрей Исаев. Ср.: «Павел Гусев попросил прокуратуру и СК завести дело на Исаева». На этом примере слабый глагол *попросил* ставит Гусева в положение жертвы, ищущей защиты. Еще пример: «Депутаты от «ЕР» подготовили проект документа с требованием отобрать помещение у «МК». Здесь внимание привлекает глагол *отобрать*, который делает акцент на применении силы в отношении издания.

В первом же материале «Независимой газеты» Гусев действительно предстает как жертва. Повествование о конфликте уже начинается с рассказа не о твитах Исаева, а о реакции на них главреда «МК» - об обращении в правоохранительные органы, что сразу подчеркивает серьезность информационного повода и отводит тему практически в разряд происшествий.

Уже в первых публикациях «Независимая газета» делает акцент на личности Яровой, даже посвящая ей отдельный материал («Казус Яровой», 19 марта, 2013). Ее профессиональная деятельность прорабатывается журналистами глубже и конкретнее, отмечают те детали (прежде всего, все обстоятельства смены ею партий), которые вызывают негативную оценку. Все это говорит о солидарности авторов с корреспондентами «Московского комсомольца».

Номинаций в отношении Яровой в текстах «Независимой газеты» гораздо больше. Во-первых, те, которые указывают на ее прошлое: «некогда известная яблочница», «экс-прокурор с Камчатки»; ее нынешний статус: «депутат», «единоросс»; также она названа «*нюсмейкером*» (что представляет ее как персону, от которой произрастает корень конфликта), «*госпожой*» (в саркастическом контексте), «*оскандалившейся*» (что делает ее личность, можно сказать, «заклейменной»).

Журналисты «Независимой газеты» указывают на все основные вехи карьеры Яровой. В центре журналистского внимания по-прежнему ее переход из одной партии в другую («...что же заставило 2-ю Яровую, сделавшую весьма успешную партийную карьеру на протяжении 10 лет в «Яблоке», принародно отречься от дитища Явлинского?»).

Ольга Баталина и Екатерина Лахова упоминаются не часто. Авторы обозначают их как «герои публикации» или, используя просторечную пренебрежительную лексему – «соавторши антимагнитской поправки».

В текстах «Независимой газеты» появляются и другие социальные субъекты – в частности, бывшие соратники Ирины Яровой по партии «Яблоко». Их номинация включает только имя и должность (напр.: «зампред «Яблока» Александр Гнездилов», «лидер молодежного «Яблока» Кирилл Гончаров»).

В целом, важно отметить, что в материалах «Независимой газеты» количество социальных акторов значительно больше. Такая особенность выполняет важную функцию. За счет расширения количества «действующих лиц» конфликт мы наблюдаем уже на новом уровне. Он перестает быть частным – скандалом между Исаевым и Гусевым, наоборот, журналисты выходят

на общественно-политическую проблему. В данном случае, интенсивно привлекая членов Госдумы в качестве субъектов конфликта и анализируя их работу, авторы «Независимой газеты» говорят о том, что работа парламентариев направлена на повышение благосостояния не населения, а своего собственного: *«Ну а весь этот набор признаков политического кризиса сопровождается соответствующее моральное разложение. Например, уверенность Яровой в том, что если с ее квартирой по закону все в порядке, то и по совести – тоже. Или, скажем, что именно жена депутата Исаева может быть таким успешным риелтором, что гостиницы в Германии сами падают ей в руки»* («Независимая газета», 19 марта 2013) или *«Новость минувшей недели: на фоне набирающих обороты думских скандалов, так или иначе касающихся личного бизнеса или собственности российских парламентариев, депутаты тем не менее набрались смелости, чтобы потребовать увеличения жалованья»* («Независимая газета», 19 марта 2013).

Таким образом, «Независимая газет» перенесла, можно сказать, частный конфликт между властными лицами и представителями СМИ на социально значимый и резонансный уровень.

«ИЗВЕСТИЯ»

Рассмотрим корпус текстов газеты «Известия». Начнем с анализа заголовков. Снова конфликт представлен в особенном ракурсе. Фактологическим акцентом становятся действия Исаева. Однако, несмотря на то, что первый текст датирован 16 марта – началом конфликта, повествование начинается не с рассказа о твитах депутата (первом ответном шаге на резонансную публикацию). Авторы «Известий» публикуют материалы с такими заголовками: *«Исаев: «Я готов встретиться с Гусевым в прокуратуре»*, *«Исаев: «Генпрокуратура» разъяснит Гусеву, можно ли оскорблять женщин»*. Первый заголовок (первого материала в этом издании) подразумевает, что именно Гусев совершил некие противоправные действия, второй же уточняет, какие конкретно.

Слово Гусева в заглавии текстов звучит лишь однажды: *«Павел Гусев: «Для Исаева газета МК закрыта»*. После первых заголовков (и, собственно, материалов – о них речь пойдет ниже) такая ситуация мало что меняет. Ответ Гусева вполне закономерный.

Далее в основном корпусе текстов все заголовки обозначают действия со стороны единороссов в отношении МК: *«Единороссы просят проверить, стрелял ли в полицейских главред МК»*, *«Госдума хочет выгнать главреда МК из Общественной палаты»*, *«Глава фракции ЕР отказался давать пресс-конференцию в МК»*. Так или иначе, сквозь призму этих заголовком просматривается «виновность» газеты «МК».

В содержании первых основных публикаций особым образом выделен Исаев. Во-первых, первая статья – это интервью (ни одна из рассмотренных газет не публиковала беседы с депутатом). Кроме того, во многих публикациях приведена не одна цитата единоросса. Во-вторых, Исаев предстает как защитник оскорбленных женщин и открытый к любым нападкам политик. Вот,

к примеру, одна из цитат, слова которой, кстати, повторяются в нескольких текстах, которая поясняет действия Исаева: *«Единоросс в свою очередь заявил, что он как мужчина должен защитить честь женщины»*. Издание цитирует и его комментарии относительно возможных нападок в его сторону (к вопросу об открытости политика): *«...у кого-то есть намерения подать жалобу в комиссию по этике». – Я к этому абсолютно готов – с удовольствием приму участие в рассмотрении этого вопроса, – сказал депутат* или *«Да, я слышал, что председатель Союза журналистов России господин Богланов хочет рассмотреть мои твиты на коллегии по злоупотреблениям в средствах массовой информации. С удовольствием приму участие в этом разговоре и поставлю вопрос об использовании медиамагнатами журналистики и самих журналистов с целью проведения информационных войн против России»*. Последние слова этого комментария, воспроизводящие фрагмент отрицательной картины мира, усиливают «правоту» Исаева и его образ борца за справедливость. Номинация *«медиамагнат»*, которой пользуется депутат, в российской культуре имеет отрицательные коннотации.

Также рефреном звучат слова о том, что Исаева поддерживают его коллеги, а значит, действия приобретают одобрение из вне.

В рамках интервью впервые депутата называют по имени и отчеству – *«Андрей Константинович»*. В то же время в интервью Гусева такого уважительного обращения нет.

Кроме того, в первой же публикации авторы «Известий» делают акцент на то, по какой причине появилась скандальная публикация в «МК». Ответ дается после комментариев самого Исаева: *«статья, оскорбляющая женщин-депутатов, – мсть за их попытку запретить рекламу интим-услуг в СМИ», которую якобы публикует «МК»*. В этом контексте значительно «поднимаются» образы Яровой, Баталиной, Лаховой, как защитниц нравственности. К тому же, их оскорбление признается свершившимся фактом: *«... депутат Госдумы Андрей Исаев заявил журналистам, что Генпрокуратура и Следственный комитет дадут разъяснения главному редактору Павлу Гусеву, можно ли публично оскорблять женщин»*. Исаев же дает положительную характеристику работе женщин-депутатов, представляя их как тех, кто отстаивает национальные интересы: *«Яровая требует, чтобы вернули деньги в страну (правда, не указано каких), Баталина и Лахова выступают в защиту детей в нашей стране»*. Далее авторы «Известий» поясняют, что в конфликтной статье *«женщины-депутаты»* меняли свои позиции по разным вопросам. Причем, покаким конкретно, в том числе то, что это были политические вопросы, не указано. Аудитория получает своеобразный сигнал: они не сделали ничего противоправного – нападки на них не обоснованы. Впрочем, личности женщин-депутатов крайне редко появляются в исследуемых публикациях.

Павла Гусева авторы «Известий» чаще всего представляют как главного редактора «Московского комсомольца» или вовсе никак не обозначают. Виноватым в конфликте остается именно главред «МК». Характер вопросов в интервью с ним, аргументация своих действий депутатами Госдумы, их комментарии относительно Гусева говорят о том, что главред «МК» поступил неэтично и непрофессионально, опубликовав скандальную статью. Вот пример некоторых вопросов к Гусеву от журналистов: *« – Почему вы просите прокуратуру*

возбудить уголовное дело...? Физически он не препятствовал журналистам МК в доступе к информации... - Насколько этично называть депутата содержанкой, фактически проституткой? – А если бы кого-то из ваших коллег назвали содержанками, вы бы вступились?».

Таким образом, в газете «Известия» конфликт представлен как конфликт между Андреем Исаевым и Павлом Гусевым. Однако в последующих публикациях он перерастает в проблему злоупотребления СМИ свободой слова.

Выводы

Любая конфликтная ситуация связана с конкретными именами, поэтому в анализируемых нами публикациях в качестве социальных акторов выступали именно личности, а не группы или классы. Это обусловило использование определенных способов их репрезентации. В частности, согласно теории ван Левена, в изученных журналистских текстах применяется номинация, функционализация, идентификация, распределение ролей. Все эти приемы направлены на представление определенных индивидов, но не общностей.

Однако теория социальных акторов Тэо ван Левена дает возможность проанализировать не только характер репрезентации героев медиатекстов, но и выявить «отношение» СМИ к событиям и фактам. К примеру, в нашем случае нам удалось увидеть, как издания преподносят конфликтную ситуацию, какую дают оценку. Конфликт оказывается неоднозначным – пресса принимает разные стороны в этом споре. В результате чего можно говорить о направленности газет, их делении в зависимости от редакционной политики – в нашем случае – на оппозиционные, претендующие на звание «нейтральных», проправительственные.

Таким образом, теория социальных акторов при анализе конфликтной ситуации позволяет с нового ракурса взглянуть на дискурс СМИ, а также расширить арсенал приемов критического дискурс-анализа.

Список литературы:

- Van Leeuwen, T.* Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis. Oxford university press, 2008. – 185 p.
- Van Leeuwen, T.* Critical discourse analysis // Discourse, of course. An overview of research in discourse studies/ Ed. by J. Renkema.- Amsterdam: John Benjamins B.V., 2009. – 403p.

НАТАЛЬЯ ЧЕРКАШИНА

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛЬНЫХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛОВ В ОСВЕЩЕНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 22 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА В БЕЛГОРОДЕ)

Освещение преступлений – одно из самых сложных и востребованных журналистских заданий. Люди всегда интересовались криминальной хроникой; публикации данного плана увеличивают тиражи, продажи рекламы. Материал о преступлении может быть как без глубоких выводов или далеко идущих последствий, так и наоборот. Криминальные новости включают в себя обзоры происшествий, связанных с незаконной деятельностью граждан, кражами и похищениями, мошенничеством и террористическими актами, подделкой денежных средств и ограблениями крупных банков, а также все, что связано с криминалом.

Если рассматривать новость в широком смысле, то это оперативное информационное сообщение или событие (информация), переданное через СМИ, ранее неизвестное аудитории. Новость в виде готового продукта традиционно называется в журналистике информационным сообщением или заметкой.

В «Толковом словаре русского языка» Владимира Даля понятие «новости» объясняется как «качество, свойство всего, что ново», в противоположность «старому, древнему, давнишнему, прежнему, бывшему, прошлому» или как «первое известие о чем-либо».

Исследователи Эверетт Деннис и Джон Мэрилл определяют новость как сообщение, в котором представлен современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса (Деннис, Мэрилл, 1997: 205). В новости прослеживаются важные для индивида или общества изменения, которые подаются в контексте общепринятого или типичного.

В отечественной журналистике выделяются следующие основные виды новостей: событие, происшествие, мероприятие, итоги деятельности, планирование. Западные исследователи предлагают иную дифференциацию. Они выделяют семь категорий: новость, несущая определенное значение-смысл – социальный, экономический, политический, человеческий; новость-«драма»; новость-«сюрприз»; новость о личности; скандальная новость, в том числе и криминальная; новость о масштабном событии; близость события к потребителю новости.

Под криминальной новостью мы понимаем серьезное правонарушение, которое влечет за собой уголовную ответственность. Такие преступления делятся по признакам и в зависимости от степени сложности. Виновным в совершении того или иного преступления выносится приговор согласно

решению суда. В криминальной журналистике нужно избегать сенсаций и опираться на достоверные источники. Вся информация должна быть максимально проверена перед публикацией.

По мнению Т. ван Дейка, изучение новостного дискурса – достаточно сложный и многоуровневый коммуникативный процесс. Анализ новостного дискурса может до определенного момента ограничиваться описанием самого текста, но эмпирически было бы более правильным говорить о значениях самого закодированного сообщения, о значениях, возникших в ходе создания текста журналистом, или о значениях, которые извлекает из текста читатель.

Для проведения дискурс-анализа криминальных новостей, предоставленных региональными новостными интернет-порталами, кратко обозначим основную характеристику последних. Следует учитывать, что новостные интернет-порталы – это традиционный канал СМИ, который относится к полю журналистского дискурса. Следовательно, коммуникативная схема в самом примитивном виде представлена следующим образом: журналист-аудитория.

Эмпирический материал нашего исследования – региональные новостные интернет-порталы, в основу которых легло одно и то же событие. В ходе исследования нами были подробно рассмотрены региональные новостные интернет-порталы (Белру.рф, vBelgorode.com, Медиатрон). Главная анализируемая новость – трагические события в Белгороде 22 апреля 2013 года.

Исследуя новостной дискурс, стоит отметить, что его предметной областью являются социальные объекты. Нам попадались различные по структуре и размеру материалы (развернутая событийная заметка, репортаж с места события), но общей чертой каждого являлся заголовок (лаконичный и расширенный) и лид с последующим бэкграундом, с комментариями правоохранительных органов и очевидцев событий.

В качестве примера приведем следующие примеры заголовков: *«В центре Белгорода неизвестный открыл стрельбу по прохожим»*, *«В центре Белгорода расстреляли прохожих и продавцов магазина»*, *«А куда стреляли? В ад!»*, *«Белгородский Брейвик»* (vBelgorode.com); *«Стрельба в Белгороде»*, *«Трагедия в Белгороде»* (Бел.ру); *«Массовый расстрел в центре Белгорода»*, *«Белгородский стрелок»*, *«В Белгород направлены психологи МЧС России»* (Медиатрон).

Все опубликованные материалы можно разделить на четыре блока:

1. Экстренные материалы (опубликованные в первые часы после случившейся трагедии).
2. С мнением экспертов и очевидцев трагедии.
3. Отражающие ход проводимых мероприятий (траурные и оперативно-розыскные мероприятия, мероприятия по оказанию психологической и материальной помощи родственникам погибших).
4. Итог и план будущих действий.

Стоит отметить, что основой дискурса является новость-событие непосредственной актуальности – сообщение о трагедии. Исходя из этого, основная цель этих текстов – дескриптивная, предполагающая построение

дискурса относительно реального (истинного, объективного, объективированного) положения вещей. В дальнейшем, после получения дополнительной информации, в силу вступает интерпретирующая цель, облакаемая в описательную форму (описание того или иного новостного события через заданные рамки понимания и интерпретации). Региональные журналисты преподносят событие именно таким образом, которое на их взгляд будет интересно потребителю и впишется в информационную политику редакции новостного интернет-портала. Репрезентация трагического события находит свое отражение в ситуационном контексте.

Анализируемые публикации представлены по схеме «перевернутой пирамиды». Она подразумевает нарушение хронологии события и постановку в начале сообщения не того, с чего начиналось событие, а самого важного элемента события, его сути. Можно сказать, что в новостях стили смешиваются, таким образом, в материалах присутствует публицистический стиль, разговорный (риторические вопросы и восклицания), официально-деловой (выдержки из официальных документов). Такое смешение стилей позволяет использование игру слов, сравнения (*Белгородский стрелок, Стрелявший в «ад», также сказал, что...*).

Несмотря на использование языковых средств, смешение стилей в текстах в большом количестве употребляются клише (*полиция приехала на место трагедии; в ходе проверок; в период оперативно-розыскных мероприятий; установлено наблюдение; при задержании преступник; криминальное прошлое*), нейтральной лексики, терминов (*психопатоподобная форма шизофрении; расстройство личности; депрессии и маниакальные состояния; ремиссия*).

На уровне речевых актов каждый материал начинается с ассертива-утверждения (*Все выезды из Белгорода перекрыли, чтобы поймать преступника; 23 и 24 апреля в Белгороде объявлен траур; Расположение магазина «Охота» возле школы не нарушало законов*) и заканчивается ассертивом, отсылающим к комиссиву-обещанию (*Известно, что Колокольцев распорядился наградить всех участников задержания; Полиция объявила денежное вознаграждение за информацию, которая поможет найти убийцу шестерых человек в Белгороде. Награда будет достойной – не менее трех миллионов рублей*), комиссивом-утверждением плана (*порядок проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия окончательно сформировано; На границе выставлены дополнительные наряды, на всех участках патрулируют мобильные группы*), экспрессивом-соболезнованием - этот речевой акт чаще всего выражается в форме прямой речи (*Примите глубокие соболезнования по поводу трагедии, которая произошла сегодня в Белгороде. От себя лично, от имени Харьковского городского совета и всех харьковчан выражаю искренние соболезнования семьям жертв этого дерзкого преступления. Мы глубоко скорбим о погибших и надеемся, что злоумышленник, виновный в смерти людей, понесет заслуженное наказание...*, – говорится в соболезновании Геннадия Кернеса; *Глубоко потрясён трагедией, произошедшей в Белгороде. Разделяю горе тех, кто потерял своих родных и близких. От себя лично и от имени правительства Российской Федерации прошу передать семьям погибших самые искренние соболезнования и слова поддержки. Правоохранительные органы делают всё, чтобы найти*

преступника... – приводит слова премьер-министра интернет-портал правительства РФ; У совершенного злодеяния нет и не может быть никакого оправдания... Надеюсь, в эти дни скорби и траура особое внимание будет проявлено к тем, кого постигла горькая потеря родных и близких. Всемилостивый Господь да дарует им крепость сил, свою помощь и утешение, – приводит слова Патриарха Московского и всея Руси официальный сайт Московского патриархата РПЦ).

Основная текстовая часть состоит из асертивов-утверждений (фактологическая информация), прямые цитаты специалистов и очевидцев (*Сообщил старший уполномоченный УВД по Белгородской области; Начальник УМВД по Белгородской области отметил; Министр внутренних дел Владимир Колокольцев отметил; сообщила официальный представитель СУСК по региону*), что репрезентирует событие как факт действительности.

Немаловажным фактом является использование журналистами метода повышения значимости новости – статистические данные (*Помазун забрал целый арсенал оружия — газовый пистолет ИЖ-27, карабин «Веprь-308» и полуавтомат; Этой ночью 1200 сотрудников полиции; От бдительных горожан уже поступило уже более 200 звонков; А тем временем на месте вчерашней трагедии в Белгороде собралось около 300 человек; Когда мы рассуждаем на эту тему, то должны иметь в виду: в Молдове дали оружие гражданам - уличная преступность сократилась на 40%, в Польше - на 20%, в Чехии - на 40%*), что усиливает представление о ценности новости у аудитории СМИ.

На уровне речевых актов также отметим присутствие в текстах директив-просьб (*Полиция просит горожан не выходить на улицы, так как в городе идет спецоперация; Сотрудники правоохранительных органов обратились к населению с просьбой сообщать любую информацию, которая поможет задержать Сергея Помазуна*). Они репрезентируют новость как уже произошедший в действительности факт, важный именно сейчас и ценный отдельно для каждой из целевой аудитории. Кроме этого, демонстрируется неразрывная связь освещаемого факта с другими фрагментами социальной действительности (например, *СМИ должны сообщать о терактах, но не нагнетать обстановку. Лидер АДПР Владимир Жириновский ранее заявил, что остановить преступления с массовым убийством людей не удастся до тех пор, пока СМИ в подробностях тиражируют такую информацию*).

Структура новостного материала напрямую зависит от функций, которые ставят перед собой журналисты. В первую очередь, это коммуникативная и идеологические функции. Первая является обязательным условием информационного взаимодействия между журналистом и массовой аудиторией. Она заключается в том, что не только журналист старается контактировать с массовой аудиторией, но и журналист знакомится с объектами, который имеют информацию и могут с ней поделиться. Вторая функция выражается в стремлении журналиста оказать влияние на устои общественного мнения, человеческое самосознание, идеалы, духовные и материальные ценности, то есть «на характер и меру информированности по общественным проблемам».

Анализируемые криминальные новости представлены в виде развернутых материалов заголовком, лидом, основная часть (информация, раскрывающая и

уточняющая новость), бэкграунд, время опубликования (объясняется таким институциональным (принятым в журналистском дискурсе) признаком новости как оперативность), указание количества просмотров и комментариев. Каждая часть такой структуры является продолжением, поэтому общий смысл поддерживается за счет каждого отдельного высказывания.

Автор материалов и фото в исследуемых нами публикациях указывался только на новостном интернет-портале Медиатрон. Этот журналист освещал данное трагическое событие от самого начала происшествия до момента задержания и заключения Сергея Помазуна под стражу.

Новостная информация важна и интересна только здесь и сейчас. Чем позже новость опубликована со времени произошедшего события, тем менее она интересна. В связи с этим, мы можем выделить следующие контексты восприятия новости в этих двух типах дискурса. Во-первых, это ситуативный контекст – новость может быть правильно, однозначно интерпретирована большим количеством, если потребители близки по времени и пространству к информационному событию. Во-вторых, следует отметить социальный контекст, поскольку он также важен для правильной интерпретации новостного сообщения. Информация считается новостью, если отражает изменения или фрагмент действительности, ценный и актуальный для большого количества людей или соответствующая повестке дня, утвержденной СМИ в конкретный момент времени и для конкретной аудитории. При этом ценность новости прямо пропорциональна количеству аудитории.

Новостная информация, поданная в дискурсе, конструируется и воспроизводится при помощи ряда логических приемов. Главная цель любой криминальной новости – подробная и оперативная репрезентация события с места происшествия. Поэтому в новостной информации данного типа не приемлемы обобщения. Журналисты часто прибегают к сравнению (*Стрелял, как «ворошиловский»*). Хочется отметить, что журналисты крайне редко в своих материалах использовали сравнения и иные языковые средства.

В идеале, цель освещения криминальных новостей судится не по эффекту, произведенному на читательскую аудиторию, а по тому, какие последствия он имеет для них самих. Но следует учитывать, что специфику региональной журналистики в целом. Журналисты, как правило, не дифференцируются по профессиональным признакам, а именно пишут «обо всём», представляя собой своего рода тип «универсального журналиста». Поэтому журналист-криминалист – редкое явление в региональной журналистике. Таким образом, новости, публикуемые на региональных новостных интернет-порталах, имеют схожий стиль подачи информации, структуру, характеристики текста.

В качестве вывода стоит отметить, что исследуемый нами дискурс, является общей темой, которая имеет целостную структуру, не варьируется от субъекта к субъекту, что означает отсутствие ощущения степени тематической и логической когерентности дискурса. Тексты объединяет связность, целостность, предсказуемость и преемственность между частями.

Связь между реальностью, отражаемой в криминальных новостях, и

особенностями дискурса и текста, имеет ряд специфических свойств. Во-первых, тексты, не являются прямым отражением реальности, так как отражаются только те фрагменты реальности, которые, по мнению журналистов, важны и ценны для аудитории. Во-вторых, подача и структура новости напрямую зависит от коммуникатора, информационной политики новостного интернет-портала, тематики и ожиданий целевой аудитории. В-третьих, важная часть любой новости – ее социальный и ситуативный контекст. Не зная контекстов, потребитель информации не сможет правильно интерпретировать информацию, преданную через данный канал СМИ.

Список литературы:

- Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. - 419 с.
- Ван Дейк. Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- Кольцова Е.Ю.* Производство новостей: скрытые механизмы контроля / Журнал социологии и социальной антропологии. М.: – 1999. – №3. – 88 с.
- Кривоносов А.Д.* PR-текст как инструмент публичных коммуникаций. /Автореферат дисс. докт. фил.наук. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 30 с.
- Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. – М.: 1996. –183–197 с.
- Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.
- Тертычный А.А.* Сенсация – выстрел без промаха. / Журналист № 10. – М.: 2003.
- ДэннисЭ., МэрриллД.* Беседы о масс-медиа. - М.: Вагриус 1997.

ЕКАТЕРИНА ШАРОНОВА

majbrik@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ИНАКОМЫСЛЯЩИХ» В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 20-40-Х ГГ. XX ВЕКА

В условиях политического, экономического и социокультурного кризисов, к которым привели события мировой и национальной истории 2-й половины XIX – 1-й половина XX в., в Германии обострилась общественно-политическая борьба, заметную роль в которой играла публицистика и личность публициста как выразителя мнений определенной социальной группы.

Публицистикой все больше интересовались политические деятели, осознавшие весь ее потенциал и прибегшие к ней, как к инструменту трансляции своих воззрений и завоевания новых сторонников. Среди них – Отто Штрассер и Эрнст Никиш (представители дискурса политической оппозиции). Произошла политизация писателей – многие из них обратились к публицистике и включились в процесс сопротивления. Особое место в этом ряду занимают Генрих и Томас Манны. Через публицистические тексты свои взгляды транслировали и представители Церкви (лютеранский пастор Дитрих Бонхёффер), один из главных теоретиков консервативной революции Эрнст Юнгер и многие другие участники критического дискурса.

Крупнейшие немецкие мыслители формировали свои идеологии и репрезентировали их в публицистических произведениях. И, несмотря на их полярность, этих авторов объединяет отторжение и неприятие национал-социализма (гитлеризма). Существующему режиму они составили оппозицию, сформировав дискурс «инакомыслящих», т. е. «несогласных с господствующей идеологией, взглядами, а также (устар.) вообще имеющих несходный образ мыслей» (Ожегов, 1989: 248-249); «имеющих иные убеждения, взгляды» (Кузнецов [http](http://)).

Дискурс «инакомыслящих», объединивший дискурсы политической оппозиции и критический, мы определяем как особый вид оппозиционного дискурса, являющегося в свою очередь подтипом политического, который «реализуется в современной жизни преимущественно через средства массовой информации» (Шейгал, 2000: 37), в данном случае – в публицистике. Именуем его таким образом, учитывая специфику реалий тех времени и обстоятельств: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. <...> Не просто возбраняется выразить – даже допускать – определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько

возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений» (Оруэлл [http](http://)).

Отметим, что он начал постепенно развиваться параллельно с нацистским дискурсом, оформившимся в начале 1920-х гг. с возникновением феномена национал-социализма и ставшим после января 1933 г. тоталитарным.

В ходе нашего исследования нами были выделены основные участники дискурса и их идеологические воззрения:

- 1) национал-социализм (штрассеризм: усиление социалистического компонента) (О. Штрассер);
- 2) национал-большевизм (Э. Никиш);
- 3) «новый» национализм (Э. Юнгер);
- 4) идеализированный социализм (Г. Манн, Л. Фейхтвангер);
- 5) концепция лютеранских христиан (Дитрих Бонхёффер);
- 6) либерально-демократическое направление (Г. Манн, члены «Белой розы»).

Многие из них репрезентировали свои концепции лишь в публицистике, другие реализовывались на практике. Наиболее частотными жанрами, к которым прибегали авторы, стали публицистические статьи, дневники, книги воспоминаний, манифесты, тезисы, речи.

Считаем необходимым уточнить, что под «немецкой публицистикой» мы понимаем публицистические произведения, созданные авторами немецкого происхождения.

Обратимся к хронотопу дискурса «инакомыслящих». Если хронотопом тоталитарного нацистского дискурса является Германия 1933-1945 гг., то хронотоп изучаемого нами дискурса расширен – Германия и страны пребывания эмигрировавших немецких писателей-публицистов (Франция, США и др.) в 1920-1940-х гг.

Нацистский дискурс обеспечивал знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность подавляющего большинства немцев внутри Германии, сделав невозможными здесь иные течения мысли. Жестко централизованная нацистская система сделала публицистику основным «производителем дискурсов» и «транслятором норм». Этот дискурс был монолитным с идеологической точки зрения, и информация циркулировала однонаправленно от власти к народу.

Дискурс «инакомыслящих» функционировал по принципу идеологического противостояния правящая партия – оппозиция. Несмотря на то, что идеология национал-социалистов была доминирующей и тотальной, в дискурсивном поле были репрезентированы и функционировали другие системы общественно-политических воззрений.

При полярности общественно-политических взглядов публицисты все же приходили к одному аналитическому инструментарию и темам. Так, аргументы и контраргументы в общественно-политической дискуссии, реализованной лишь в публицистике, механизмы легитимации и дискредитации оппонентов велись с помощью одних и тех же концептов (топиков дискурса). В нашем

случае полностью подтверждается мнение М. Фуко о том, что «невозможно находиться вне дискурса, невозможно избежать репрезентации, то есть представления реальности с определенной позиции...», «индивид, рассуждающий в определенном типе дискурса, может даже не разделять эту точку зрения, но как только он «развертывает» дискурс, вынужден позиционировать себя как субъект дискурса» (Цит. по: Рябова <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-politicheskiy-diskurs.htm>).

Национал-социалистическое дискурсивное поле формируется за счет периодической печати, радио, речам лидеров НСДАП, визуально-иллюстративному материалу и т.п. Национал-социалисты тотально насаждали свою политическую волю народу. Не существовало альтернативных и оппозиционных СМИ, подавлялось любое проявление инакомыслия. При этом социально-политический ландшафт выстраивался лидерами НСДАП по принципу мира-перевертыша: статус нормы получали явления, противоречащие нравственным императивам и морали, выработанными за всю историю человечества.

Дискурсивное поле «инакомыслящих» стало возможно благодаря публицистам того времени. В теории Ю. Хабермаса эти люди названы «интеллектуалами» – людьми, «оказывающими с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, которые «нащупывают важные темы, выдвигают плодотворные тезисы и расширяют спектр релевантных аргументов, чтобы повысить печально низкий уровень дискуссий в обществе» (Кожемякин, 2010: 219). Их можно назвать «моральными инстанциями», «совестью нации», направляющими общество, ориентирующими его в соответствии с нравственными императивами и принципами.

Но всё же это поле было сконструировано по законам национал-социалистов: именно господствующая идеология (и соответственно публицистика) сформировала это единое смысловое пространство; все программные элементы нацистского курса либо поддерживались полностью, либо частично, либо подвергались критике и наталкивались на оппозицию. Однако оно носило дискуссионно-полемиический и оппозиционный характер.

В дискурсе «инакомыслящих» базовыми концептами явились «немцы» («народ»), «Германия» («Отечество», «Родина»), «нация», «война», «власть», «революция», «государственное устройство», «экономическая доктрина», «экономический порядок», «социальный порядок», «вера», «религия». Все эти концепты тесно взаимодействуют с ядром изучаемого дискурса – концептом «патриотизм». Специфика последнего зависит от индивидуального содержания перечисленных концептов, от того, что в них вкладывают исследуемые публицисты. Содержательный потенциал концептов, функционировавших в исследуемом дискурсе, позволил публицистам сформировать комплекс представлений об истинном, на их взгляд, патриотизме и противостоять псевдопатриотизму и шовинизму национал-социалистов (гитлеристов), а соответственно, делегитимизировать их власть.

Так, Т. Манн желал организовать «государственное устройство» согласно принципам либерализма и демократии, причем последнюю воспринимал в духе Руссо. Также его демократия тесно связана с концептом «религия», поскольку в основу этой идеологии должны быть положены, по его мнению, евангельские заветы. Однако «Германия», по мнению Т. Манна, не пригодна для политики, она чужда «немцам». «Немецкую нацию» публицист считает народом-мессией, это убеждение не меняется в течение времени. «Немцев» он наделяет такими эпитетами, как великий, гордый и особый народ. Т. Манн говорит о национальном душевном недуге «немцев», о травме этой «нации». Эти обстоятельства и позволили возвыситься Гитлеру, который ими воспользовался.

Отмечает публицист и протестующий характер «немцев», интерпретируя это положение так: протест «немцев» против римского мира и его наследников, против идеи об универсальном объединении человечества на основе всемирной монархии (исторически), против бездуховной цивилизации европейцев. В этом и состоит основная миссия «немцев». Будущую Европу Т. Манн видит Европой с немецким мировосприятием. К «немецкости» он причисляет культуру, душу, свободу, искусство. Культура – есть сущность «Германии», и ей все должно подчиняться и политика, и экономико-социальное устройство («экономическая доктрина», «экономический порядок», «социальный порядок»). И, стремясь спасти «Германию», публицист призывает спасти именно ее культуру.

Публицист сознательно разводит концепты «вера» и «религия». Он верит в демократию, понимая ее по-своему, верит в общественный договор, понимает людей, отстаивающих собственные убеждения, верящих в лучшую жизнь, что становится последним пристанищем и позволяет преодолевать все трудности. «Патриотизм» как любовь к жизни, родине и людям является неотъемлемым компонентом подобной веры. Эта любовь побеждает страх смерти, делает людей бессмертными, способными на подвиг ради «Родины».

«Патриотизм» Т. Манна апеллирует к духовному и моральному потенциалу «Германии» и «немцев». «Патриотизм» каждого заключается в соответствии человека тому, к чему приготовила его природа. Публицист воспринимает «патриотизм» как следование своему предназначению, данному от природы, своего рода мистический фатализм, который определяет жизнь и поступки человека, на благо обществу, государству, истории, но главным образом человечеству.

Список литературы:

- Кожмякин Е.А.* Современные теории массовой коммуникации. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2010. – 338 с.
- Кузнецов С.А.* Инакомыслящий // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/73780>.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – 21-е изд. – М.: «Русский язык», 1989. – 924 с.
- Оруэлл Дж.* Литература и тоталитаризм // URL: http://www.orwell.ru/library/articles/totalitarianism/russian/r_lat

Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-politicheskiy-diskurs.htm>.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

ЭЛЛА МИНАЕВА

ella7773@inbox.ru

ТАТЬЯНА ПОНОМАРЁВА

tanya_p-05@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КОДЫ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

В последнее время интерес исследователей к современной поэзии неуклонно возрастает. Это может быть обусловлено особенностями самого предмета изучения: соглашаясь с постулатом о том, что абсолютно новую поэзию создать невозможно, современные авторы формируют поэтический дискурс, обладающий рядом новаторских черт.

Цель данной работы — описание некоторых типологических особенностей современного поэтического дискурса, в частности визуальной поэзии.

Поэтический дискурс сегодня осознаётся как самостоятельный тип дискурса. «С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» (Карасик, 2009: 326). Поэтический дискурс — это взаимодействие составляющих «автор — текст» и «читатель — текст», в котором текст является звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуциента и реципиента в гетерогенное целое поэтического дискурса (Монгилева, 2004). По мнению Т. ван Дейка, «дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога.<...>следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия» (Дейк Т.А. ван, 2000: 122).

Ю.С. Степанов утверждает, что дискурс существует в текстах, за которыми встает «определенная грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир"» (Степанов Ю.С., 1995). Современный поэтический дискурс вырабатывает собственные правила и закономерности, по которым существует этот «возможный альтернативный мир». Поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у неподготовленного читателя, «погруженного» в современный поэтический дискурс, появляется возможность ее множественной интерпретации; при этом у читателя возникает навязчивое ощущение непонимания, странности, неестественности, парадоксальности — в

целом культурного шока, — что зачастую приводит к неприятию и отторжению модели мира, представленной в современном поэтическом дискурсе.

Юрий Руднев пишет, что «дискурс может пониматься как индивидуальный над-языковой код (т. е. набор формальных элементов), подчиняющий себе (вплоть до разрыва) грамматический строй языка. Понимание такого кода требует со стороны реципиента определённых усилий, направленных на "подключение" к коду дискурса и, таким образом, включения себя в "высказывательную" ситуацию» (Руднев). Всякий дискурс есть код, а поэтический дискурс тем более. Современный «экспериментальный» поэтический дискурс представляет собой код в энной степени, порой авторы «заигрываются» в неоавангардное кодирование смыслов в ущерб поэтической форме и содержанию. Процесс восприятия читателем поэтического дискурса включает декодирование его лингвистической и экстралингвистической составляющих. При этом читатель не только декодирует поэтические тексты, но и извлекает смыслы, не предполагавшиеся автором, что обусловлено множественным комплексом факторов. Как написал в манифесте современной поэзии Дмитрий Кузьмин, «автор — тот, кому есть, что сказать <...>. Читатель — тот, кто хочет стать на один или несколько смыслов богаче» (Кузьмин).

Признаки, отличающие современную поэзию от традиционной, связаны, прежде всего, с особенностями функционирования художественного слова. При анализе языка современной поэзии, как справедливо отмечает Н. Фатеева, «необходимо пересмотреть само лингвистическое определение «слова»... поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него» (Фатеева, 2004: 85). Слова утрачивают свои границы, происходит объединение / разъединение слов (морфем) с помощью знаков препинания, пробелов, скобок, выделений шрифтами. Каждый языковой знак приобретает самостоятельность и особую значимость, «выстраивает на странице особую визуальную линию смысла» (Фатеева, 2004: 83). В качестве примера приведем стихотворение Анны Альчук.

МАЯКОВ одиночество

С(КИль) корабля

без руля **ВЦИК**атил

для рубля в революю

цию

(реВ)ОЛН к нулю

льнул

бортом к Кирпичу

мая ков мая цык

то...чкапули в конце

А. Альчук (Альчук, 2004: 465)

В современном поэтическом дискурсе линейная организация стихотворного текста перестаёт быть обязательной, текст приобретает возможность быть интерпретированным по вертикали, диагонали, в виде любой геометрической фигуры или любым другим графическим способом. И тогда можно говорить о явлении, называемом визуальной поэзией.

Визуальная поэзия — авангардное направление на стыке поэзии и изобразительного искусства; в рамках этого направления особое значение приобретает визуализация текста графическими элементами, расширяющими его образное и смысловое значение (Словарь поэтических терминов). В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, при этом создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности (Адлер, 1998: 16).

Термин «визуальная поэзия» в современной лингвистике нельзя считать устоявшимся. Существуют синонимические номинации: стихографика, видеопэзия, медиапэзия, фигурные стихи и др. Последний термин, по мнению Е. Степанова, определяет лишь часть визуальной поэзии, явления более широкого и масштабного (Степанов Е., 2009).

Визуальная поэзия в мировой культуре известна с III века до нашей эры. Александрийские поэты Симмий, Досиад и Феокрит считаются изобретателями фигурных стихов. Родоначальником русской визуальной поэзии исследователи называют Симеона Полоцкого. В жанре визуальной поэзии работали Державин и Сумароков. В начале XX века в русской визуальной поэзии происходит новый всплеск, представленный именами А. Белого, В. Брюсова, В. Каменского, Д. Бурлюка, В. Хлебникова, С. Кирсанова и других. В советское время свои видеомы публиковал Андрей Вознесенский. Сегодня в жанре визуальной поэзии работают многие поэты: Сергей Сигей, Ры Никонова, Алексей Хвостенко, Дмитрий Авалиани, Александр Федулов, Сергей Бирюков, Валерий Галечьян, Света Литвак, Елена Кацюба, Константин Кедров, Анна Зимина, Дмитрий Зимин, Андрей Кирсанов и другие. Необходимо отметить, что элементы прифтовой (визуальной) поэзии в настоящее время используют многие (возможно, большинство) современные поэты.

Описанию и анализу русской визуальной поэзии посвящены работы таких исследователей, как М. Гаспаров, Ю. Лотман, А. Квятковский, С. Сигей, С. Бирюков, Ю. Гик, Е. Степанов, В. Колотвин и других. Тем не менее, функционирование невербального в современной поэзии исследовано, на наш взгляд, недостаточно.

Некоторые современные исследователи считают визуальные стихотворения не поэтической формой, а совершенно отдельным видом искусства (Назаренко). Как отмечает Юрий Гик, «под визуальной поэзией понимают размытый культурный феномен, находящийся в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами. Точного и удовлетворительного определения визуальной поэзии пока не выработано, хотя

описание термина или его составляющих (конкретная поэзия, фигурная поэзия) уже можно найти в словарях ...» (Гик). Евгений Степанов полагает, что визуальная поэзия выполняет высокие эстетические функции и объединяет графические и вербальные возможности дискурса (Степанов Е., 2009). Борис Гринберг метафорически определяет визуальную поэзию как «искусство изображения потаенного в стихах» (Гринберг).

Некоторые исследователи, положив в основу классификации прежде всего визуальный принцип, внешний вид, выделяют три основные группы подобных произведений:

а) геометрические изображения (текст расположен в виде строго геометрической фигуры);

б) изображения под конкретные предметы (внешняя форма повторяет очертания какой-либо вещи);

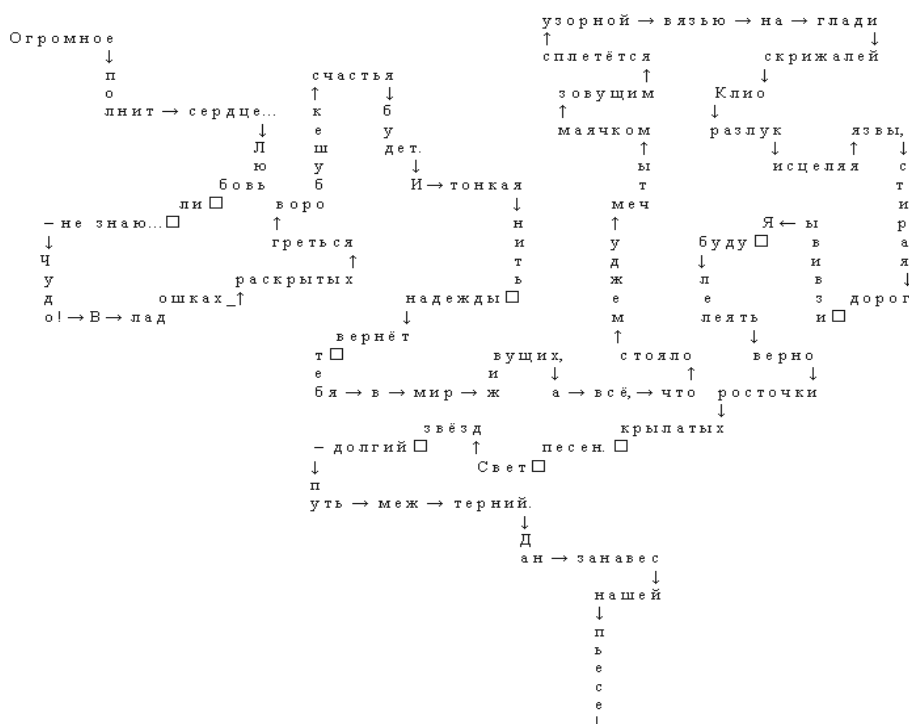
в) абстрактные живописные изображения, определяемые автором в качестве стихотворений (их принадлежность к поэзии устанавливается, как правило, только благодаря таковой заданности в заглавии или расположению в контексте других стихотворений).

В некоторых случаях границы между текстами первой и второй группы кажутся весьма зыбкими (Асылбекова).

Наблюдения над современной визуальной поэзией позволяют говорить о многообразии видов данного направления. Рассмотрим некоторые из них.

В современной поэзии широкое распространение получили *фигурные стихи* (другие названия: графические стихи, стихографика, каллиграмма) — [стихи](#), в которых графический рисунок строк или выделенных в строках букв складывается в изображение какой-либо фигуры или предмета ([монограмма](#), [ромб](#) и др.), проще говоря, [слова](#) стихотворения образуют [рисунок](#). Родоначальником жанра считают Г. Аполлинера. К передаче художественных смыслов таким образом обращаются многие современные поэты (нельзя не упомянуть видиомы А. Вознесенского, написанные и изданные в советское, а затем в перестроечное время): С. Сигей, В. Галечьян, А. Моцар, Л. Блинов, А. Фролов, Е. Мякишев, Т. Манкова и др.

В фигурных стихах центральный образ обычно опредмечивается формой. Ярким примером может быть *стихотворение-лабиринт* Т. Манковой «Ариадна» (Манкова). Поэтический текст, расположенный в виде лабиринта, не утрачивает своей семантической значимости и интертекстуальной наполненности, напротив, благодаря форме, значимость текста возрастает.

Интересным в современной визуальной поэзии нам кажется жанр, созданный Дмитрием Авалиани. Герман Лукомников назвал этот жанр *листоверть*, интерпретировать его можно как своего рода визуальный палиндром, поскольку в одном таком визуальном объекте под разным углом зрения прочитывается разный текст. Наиболее часто используемый (хотя и не единственный) способ смены угла зрения — переворачивание листа с объектом на 180 градусов (Авалиани). Приведем в качестве примера стихотворения Д. Авалиани:

Рассмотрим еще несколько произведений этого же автора, написанных панторифмой.

Панторифма — это стихотворение, в котором каждый стих целиком является рифмой. Д. Авалиани усложняет задачу, стремясь не просто к звуковой близости строк, а к полному их тождеству — различаются только места словоразделов и ударений. В таком стихотворении каждое слово многозначно, каждый знак полисемантичен. Приведем несколько примеров (Авалиани):

Остановимся еще на одном жанре визуальной поэзии — *лингвогобелене*, который был изобретен Вилли Р. Мельниковым. По словам создателя лингвогобелена, этот «жанр не декларирует использование максимального количества языков: по мере разветвления смыслового древа на его разноязычных ветвях-фразах рождаются новые образы-мутанты, образуемые пространственными и временными перепадами между мелодикой, колористикой и мифологией языков. Автор многоязычных коввропрядений не стремится к эпатажной иероглифичности, а лишь пытается овизуалить взаимопревращение культур и эпох. Всякий, кто пытается вчувствоваться в лингвогобелены, ощущает в себе кристаллизацию способности вчувствоваться в еще незнакомые языки, не воспринимая их как нечто непостижимое и не захлебываясь в их идиомутах» (Мельников).

Представленный лингвогобелен В. Мельникова написан на языках: тлацкотек (др. Гватемала); вест-готский (др. сев. Европа); джу-инь-цзы-му (др. Манчжурия); уавниффа (центр. Африка). Автор переводит текст следующим образом: «Прозрачный панцирь пернатой черепахи — это окно в тайну самоочищения неба от звездной чешуи. Озеро смыслов, подслащённое непереводакостями, заставляет свои донные горячие ключи клокотать с оледеневшими интонациями: их ветви плодоносят перезревшими обещаниями пепла не опадать на замерзающий в вулкане город. Его жители спасаются

пониманием: посадить время за решётку календаря — значит спрятаться от себя самих внутри неспособности жить вне времени. Так отсчитывает время моллюск, чей конец света — в трещинах его раковины; но для волны, метнувшей раковину в отражение умершего штиля, — это начало штормящей бесцветности. Её видишь, когда случается заблудиться в джунглях ягуаровых размышлений, где легко остушиться в норы блаженного кроличьего бездумья. И тогда остаётся опасаться лишь пламени, выплёвывающего собственные дрова: оно не жжётся, но выжигает лики тех, кто был сожжён за владение языками пепла. Там долгие гласные не долго слышатся сквозь затвердеважность вечно остывающей пемзы-послесмыслия...» (Мельников).

Жанр *люменоскрипт* создан Вилли Р. Мельниковым на стыке фотоживописи и поэзии, фотоживописи и фрактальной стереометрии (многослойной фотографии). При этом поэзия представлена посредством муфтолингвы (приема, изобретенного Вилли Р. Мельниковым) — поэтических окказионализмов-кентавров, построенных по принципу «муфты». Примером такой муфтолингвы может послужить моностих В. Мельникова, или стих-однострочник: «Весна, мерзлятся, медитая, льдинозаврь». В люменоскриптах разноязычные слова и детали художественной фотокомпозиции иллюстрируют друг друга, создавая новые измерения восприятия. Посмотрим на несколько примеров (Мельников):

И лингвогобелены, и люменоскрипты, как и кентаврическая муфтолингва, построены на соединении несоединимого, на сращении контрастов, визуальных и вербальных.

Остановимся еще на одном виде визуальной поэзии — *стихотворениях-коллажах*, в которых поэтический текст, графические и фотоэлементы находятся в синтезе. В качестве примеров приведём работу Елены Кацюбы «Бабочка из сна» (Кацюба) и отрывок из произведения Анны и Дмитрия Зиминых «Не» (Зиминая, Зимин):

Можно выделить и другие жанры и виды современной визуальной поэзии: прифтовые стихи, прифтовые мозаики, фотостихи, саунд-стихи, циклодромы, заумь и др. Список остается открытым, т. к. визуальная поэзия еще до конца не оформилась как жанр или литературное направление.

Тем не менее, уже возможно сформулировать некоторые общие черты, свойственные визуальной поэзии рубежа веков. Визуальное стихотворение может состоять из одного повторяющегося слова или словосочетания, одного или нескольких предложений, нескольких морфем или служебных слов, звуко-буквенных сочетаний. Возможно внедрение в текст геометрических фигур, математических элементов, синтез вербальных и нотных знаков и т. д. Используются различные формы, разнообразные прифты, игры со светом и тенью; в произведение включаются различные цвета. И если визуальные стихи, написанные, например, в XIX или начале XX века, были лишь фигурными (т. е. строки стихотворения были построены в виде какого-либо предмета или

фигуры), то современные поэты используют всё многообразие доступных им невербальных и вербальных техник и приёмов.

Интересным для понимания некоторых мировоззренческих установок поэтов-визуалов нам кажутся размышления Ры Никоновой: «Она (традиционная вербальная литература. — Э. М., Т. П.) существует и ей всё равно, где заканчивается строка, какой она длины. А мне, например, важна даже глубина погружения шрифтов в платформу. <...> Интересны и книжная скульптура и всякие наклейки, дополнительные платформы с текстом или без. Это как бы земля для текста... Возникает проблема тяготения текста, его соотношений с платформой, на которой он существует... Следующая ступень — текст стал не нужен. Меня заинтересовала сама «земля», платформа, ведь существует земля без людей» (Шарлоте Грeve, 2004: 396).

Проблема соотношения вербального и визуального в такой поэзии рассматривается многими авторами и получает различное решение. Некоторые считают, что в визуальной поэзии вербальное — вторично: «Слово — вечно изменяющееся, содержащее в себе миры смыслов, погибает, бесконечно суживается, помещенное в узкие рамки рисунка» (Асылбекова). И далее: «Визуальное преобладает над вербальным, слово вторично и несущественно, ибо главное — внешний вид. Это нечитаемые произведения. И чем больше отходит художник от слова, чем больше появляется, пусть довольно эффектных, визуальных приемов, тем, дальше от поэзии, если, конечно, понимать под поэзией **ритмическое словотворчество**»(там же). ТовийХархур считает, что «визуальный элемент, привнесенный в языковую структуру, благодаря своей природе, не должен подчиняться закономерностям и правилам языка. Выходя за их пределы, он увеличивает «свободу» языка поэтического» (ТовийХархур). Мы разделяем мнение Евгения Степанова, согласно которому приоритет всё же остаётся за словом: «В визуальной поэзии должно все-таки преобладать (играть роль первой скрипки!) вербальное начало, а не коллаж, графика или живопись. Изобразительный ряд подчеркивает важность, значимость слова, усиливает его суггестию» (Степанов Е., 2009).

Существует опасность, что произойдет настолько существенный отрыв от поэзии в сторону визуализации текста, что слово утратит свою ургийность. Тогда в словосочетании «визуальная поэзия» слово «поэзия» может стать лишним.

Многие поэты-визуалисты стремятся воплотить в своих произведениях то, что не могут представить в классической форме, и усматривают в визуальной форме квинтэссенцию онтологических смыслов. Например, В. Налимов, говоря о «семантическом вакууме» визуальной поэзии, замечает: «Спрессованность смыслов — это нераспакованный (непроявленный) Мир — семантический вакуум» (Налимов, 1993: 56). Таким образом, мы можем сказать, что вакуум в визуальной поэзии особого рода: в нем будто слышен зарождающийся «гул языка».

Одним из наиболее радикальных подвидов визуальной поэзии, под которым понимаются тексты и без какого-либо словесного наполнения, и без

замещения его графическим содержанием, является вакуумная поэзия (нулевая литература, текстоотсутствие). Ры Никонова определяет вакуумную поэзию как «способ обустройства тишины» (Шарлоте Греве, 2004: 396). Представляя собою чистые листы, где сложно усмотреть авторское вмешательство, эти тексты, тем не менее, позиционируются как явление литературы, что обычно акцентируется помещением их в контекст поэтических или прозаических сочинений и привычными элементами рамочного оформления (название, эпиграф, дата создания, сноски и комментарии) (Вакуумная поэзия). Такие произведения создают В. Казаков, М. Сапего, Ры Никонова и некоторые др.

Стремительное развитие информационных технологий не может не сказаться и на такой области деятельности, как поэтическое творчество. Прежде всего, это открывает новые пути развития для визуальной поэзии.

Мультимедийный инструментарий может позволить поэтам-визуалистам использовать широкий спектр возможностей: синтез визуальной и аудиальной поэзии, огромный выбор шрифтов, альтернативные фоновые и цветовые решения, эффект текстуры, рисование и анимация (эффекты движения и появления, исчезновения и смещения и т. д.), метаморфозы шрифтов, знаков (от языковых до графических) и как результат — трансформации смысла на разных уровнях визуального поэтического текста и многое др. Таким образом, «в области визуальной поэзии в зависимости от степени и направленности используемых приемов осуществляется синкретический принцип совмещения вербальной и визуально-иконической знаковых систем, предельно реализуемый в стратегии выведения вербального ряда за пределы традиционной модели поэтического текста» (Ковалев, 2010).

Мультимедийные технологии служат для решения не только информационных задач, но и эстетических. Это открывает в перспективе новые возможности для визуальной поэзии.

В качестве названия данного жанра мы можем предложить два варианта: 1) анимационная поэзия, в таком случае авторы текстов могут быть определены как поэты-аниматоры; 2) кибер-поэзия (авторы текстов — кибер-поэты).

Создание визуальной поэзии с помощью современных компьютерных средств является той нишей, которая еще только может быть заполнена. На сегодняшний день делаются только первые попытки в этой творческой области. Например, в этом жанре работает Е. Кацюба (стихи из сборника «Свалка»: «Фазы луны», «Календарь свалки» и др.) (см. примеры стихов на сайте (Кацюба), т. к. бумажный вариант анимационных текстов дать невозможно), Товий Хархур и некоторые др.

В одном из интервью на вопрос, что такое визуальная поэзия, К. Кедров ответил: «Границы между визуальной поэзией и просто иллюстрацией к тексту практически нет» (Кедров). Даже поэты-визуалисты часто сами не отличают визуальную поэзию от графических или других изобразительных произведений. Зачастую можно говорить, что это визуальная поэзия, только исходя из определения самого автора: из названия или авторского комментария.

Вероятно, поэт сам должен определять в своём произведении степень

удаленности от текста, степень «спрятанности» поэтического текста за изображением. Важным, на наш взгляд, является взаимодополняемость формы и содержания, взаимодействие всех элементов. Читателю приходится интерпретировать все составляющие визуального поэтического дискурса. Сущность визуальной поэзии ёмко выразил Валерий Колотвин: «За что мы любим визуальную поэзию? Мы любим ее за то, что она есть нечто большее, чем изображение, и нечто большее, чем текст, не только по отдельности, но и вместе взятые. За ее магическую способность превращать обыденное слово в электрическое свечение образа простым сложением с геометрией листа, за парадоксальную свободу скрещивать пространство и воображение, расслаивая драматургическое течение на множество разномерных потоков, параллельных лишь визуальной плоскости, но сложно сплетенных темпорально-семантическим взаимодействием. За трагическую силу углубить простую запятую до коридора памяти, нанизывая на воспоминания ироничные улыбки фотографических осколков стертых десятилетий. За то, что она помогает нам изменять наше сознание. Там, где человеку с линейно организованным восприятием мерещатся призраки хаоса, поэт прозревает возможности других порядков» (Колотвин).

Наблюдения над современным поэтическим дискурсом позволяют утверждать, что большинство современных визуальных произведений характеризуются многослойностью, синтезом текстового и визуального дискурса. Авторы моделируют свой альтернативный поэтический дискурс, используя разнообразнейшие техники и методики, создавая, таким образом, произведения, находящиеся на стыке различных жанров и видов искусства. Поликодовость визуальной поэзии, заложенная авторами, пролонгируется в поливариантность интерпретации поэтического дискурса. Кодированность, возможно, одна из важнейших черт современной поэзии. Она лежит в основе интертекстуальности, языковой игры, языкового эксперимента, неочевидного подтекста. Для осознания процесса декодирования современной поэзии, в том числе и визуальной, как нельзя более актуальное предположение ван ден Брука о существовании колеблющихся связей между элементами текста, когда в процессе восприятия текста в различном диапазоне активируются его элементы и в своем колебании создают ландшафт текста. Через эти колебания активаций динамично возникает представление о тексте (Broek, 1999). В этом потенциально бесконечном колебании разноуровневых языковых и дискурсивных единиц зарождается синергетика поэтического дискурса.

Список литературы:

Авалиани Д. Листовертни (Электронный ресурс) / Д. Авалиани. — Режим доступа к ресурсу :<http://www.vavilon.ru/texts/avaliani-11.html>

- Адлер Дж.* Непрерывность традиций визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы : антология / Дж. Адлер. — Калининград, 1998.
- Альчук А.* Сказа Но: (стихи 2000—2003 гг.) // Поэтика исканий, или Поиск поэтики : материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX—XXI веков и современные литературные стратегии» / Н. Азарова. — М. : Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. — 592 с. — С. 463—467.
- Асылбекова М. С.* Визуальная поэзия : материалы к спецкурсу по анализу поэтического текста (Электронный ресурс) / М. С. Асылбекова. — Режим доступа к ресурсу : <http://festival.1september.ru/authors/100-172-014>.
- Вакуумная поэзия...* (Электронный ресурс). — Режим доступа к ресурсу : <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/vakuum25.html>.
- Гик Ю.* Наследие Дада в современной визуальной поэзии (Электронный ресурс) / Ю. Гик. — Режим доступа к ресурсу : http://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html
- Гринберг Б.* Блиц-интервью (Электронный ресурс) / Б. Гринберг. — Режим доступа к ресурсу : http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=921
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
- Зимица А.* «Не» (Электронный ресурс) / А. Зимица, Д. Зимин. — Режим доступа к ресурсу : http://www.chernovik.org/main.php?nom=25&id_n=41&first=24
- Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с.
- Кацюба Е.* Графика-текст (Электронный ресурс) / Е. Кацюба. — Режим доступа к ресурсу : http://visualpoetry.ru/arc/2008_1/kacyuba.php
- Кацюба Е.* Стихи (Электронный ресурс) / Е. Кацюба. — Режим доступа к ресурсу : <http://flashpoetry.narod.ru/svalka>
- Кедров К.* Стихи. Интервью (Электронный ресурс) / К. Кедров. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.stihi.ru/2009/07/15/3952>.
- Ковалев П. А.* Поэтический дискурс русского постмодернизма : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.01. — Орёл, 2010 (Электронный ресурс) / П. А. Ковалев. — Режим доступа к ресурсу : <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a198.php>
- Колотвин В.* Визуальная поэзия — альтернатива линейной организации восприятия (Электронный ресурс) / В. Колотвин. — Режим доступа к ресурсу : http://vladivostok.com/speaking_in_tongues/Kolotvin01.htm
- Кузьмин Д.* Вместо манифеста (Электронный ресурс) / Д. Кузьмин. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2006-1/kuzmin>
- Манкова Т.* Стихографика (Электронный ресурс) / Т. Манкова. — Режим доступа к ресурсу : <http://rifma.com.ru/Publications/Mankova.htm>
- Мельников Вилли Р.* Введение в лингвогобелены на муфтолингве (Электронный ресурс) / В. Мельников. — Режим доступа к ресурсу : http://kassandrion.narod.ru/villyM/vil_glav.htm
- Монгилева Н. В.* Семантическое пространство поэтического дискурса : дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19. — Челябинск, 2004. — 168 с. (Электронный ресурс) / Н. В. Монгилева. — Режим доступа к ресурсу : http://www.dissland.com/catalog/semanticheskoe_prostranstvo_poeticheskogo_diskursa.html
- Назаренко Т.* Визуальная поэзия (Электронный ресурс) / Т. Назаренко. — Режим доступа к ресурсу : http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=5&leng=ru.
- Налимов В.* В поисках иных смыслов / В. Налимов. — М. : Прогресс, 1993. — 280 с.
- Руднев Ю.* Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка (Электронный ресурс) / Ю. Руднев. — Режим доступа к ресурсу : http://zheltydom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm

- Словарь поэтических терминов* (Электронный ресурс). — Режим доступа к ресурсу :<http://rifma.ru/Poetic-3.htm>
- Степанов Е.* Визуальная поэзия в современной России // «Дети Ра». — 2009. — № 6 (56) (Электронный ресурс) / Е. Степанов. — Режим доступа к ресурсу :<http://magazines.russ.ru/reviews>
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. — М. : РГГУ, 1995. — С. 35—73 (Электронный ресурс) / Ю. С. Степанов. — Режим доступа к ресурсу :<http://www.philologoz.ru/ling/stepanov.htm>
- Фатеева Н.* Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / Н. Фатеева. — С. 79—89.
- Хархур Товий.* Слияние поэзии и живописи (Электронный ресурс) / Товий Хархур. — Режим доступа к ресурсу :<http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>.
- Шарлоте Грeve.* «Страница — это платформа». Интервью с Ры Никоновой // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / Грeve Шарлота. — С. 396—404.
- Broek P. van den, Young M., Tzeng Y., Linderholm T.* The landscape model of reading: Inferences and on-line construction of a memory representation. — Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999.

ЯН ТЯЖЛОВ

yandzho@yandex.ru

ГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ О КИНО

В ситуации переизбытка информации возникает потребность в структурировании потока данных, с чем связана тенденция к совершенствованию инструментов визуализации медиатекста. Подчеркивая структурно-языковой синкретизм, неомогенность современного медиатекста, разнородность его знакового материала, сочетающего в себе код вербального языка и элементы невербальной коммуникации, исследователи прибегают к термину «креолизованный текст»,

Средствами креолизации вербального медиатекста являются различные невербальные компоненты (параязыковые средства письменной речи), влияющие на интерпретацию медиатекста аудиторией. «Вербальные и медийные компоненты текста тесно взаимосвязаны и могут сочетаться друг с другом на основе самых разных принципов: дополнения, усиления, иллюстрации, выделения, противопоставления и т.д., образуя при этом некую целостность, неразрывное единство, которое и составляет сущность понятия «медиатекст» (Добросклонская, 2008). К подобным компонентам относят графическое и цветное оформление текста, различные иконические элементы и т.д.

Знаковые подсистемы требуют сегодня классификации и подробного изучения. Наиболее привлекательным материалом для изучения креолизованных текстов являются реклама и инфографика. Подробное изучение способов креолизации текстов и в других сферах медиа с учетом канала распространения и жанрово-тематической специфики также важно, поскольку способствует изучению методов «изложения материала, полученного в ходе познания» (Гертычный, 2009: 23) действительности, стратегий ее репрезентации, формирования общественного мнения, практик социального ориентирования, культурно-образовательных практик, методов фиксации ценностных установок.

Исследователи утверждают, что средства визуализации служат оптимизации коммуникации, преодолению «скрытых стереотипов языка литературного» (Ворошилова, 2006), способствуют нелинейному восприятию медиатекста. Использование элементов креолизации расширяет комбинаторные возможности механизмов формирования коммуникативных стратегий с учетом целевой аудитории.

Функционирование креолизованных элементов обусловлено прагматическими, жанрово-содержательными и структурными особенностями

различных групп медиатекстов.

Средства массовой коммуникации (далее – СМК) все чаще прибегают к использованию уникальных (свойственных исключительно данному СМК) и конвенциональных (свойственных всем или ряду СМК) невербальных знаковых систем.

Мы рассмотрели основные аспекты функционирования невербальных реляционных элементов как специфических элементов креолизации, все чаще встречающихся сегодня в медиатекстах, важной чертой которых является оценка предмета публикации, а функция ориентации в объектной области является ключевой (рецензии, обзоры, анонсы), а также специфику иллюстрирования в этой жанровой группе.

В целом использование реляционных элементов в разных типах СМИ отражает тенденцию к визуализации прагматического компонента медиатекста. Невербальные реляционные элементы, включенные в структуру креолизованного медиатекста, денотируют определенные качества, признаки и свойства предмета высказывания. Являясь частным случаем проявления общей тенденции, реляционные элементы в то же время становятся составной частью «графической нормы», присущей указанной группе медиатекстов (Анисимова, 2003: 8).

Графическая норма – модель, «представляющая собой пример исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста» (Анисимова, 2003: 8). Она является компонентом более широкого понятия – коммуникативно-прагматической нормы, «объединяющей языковые и неязыковые правила построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата» (Анисимова, 2003: 9).

В формировании медиатекста участвуют различные семиотические системы. Сегодня сложно говорить о первичности одних знаковых систем и вторичности других относительно их функционирования в медиасреде. Для изучения сообщений поликодовой природы (к которым относится и медиатекст) как знаковых систем наиболее эффективным представляется семиотический подход. Мы рассмотрим специфику функционирования таких систем в среде медиатекстов, объектной областью которых является кино. Активно реагируя на ключевые проблемы современности, осмысливая актуальные социокультурные процессы и историю, выполняя роль транслятора культурных кодов, стереотипов, влияя на мировоззрение аудитории, кино является одним из центральных звеньев массовой аудиовизуальной коммуникации. Изучение аналитической информации о кино, представленной в различных типах медиа, является актуальной задачей как медиаобразования, так и журналистской науки.

В качестве эмпирического материала были использованы журналы: «The Hollywood Reporter», «Total DVD», «Русский Репортер» (РР), а также интернет-ресурсы: «Кинопоиск» (www.kinopoisk.ru), «IMDb» (www.imdb.com) и «Rotton Tomatoes» (www.rottentomatoes.com), в разной степени активности

использующие эти элементы. Каждое из перечисленных СМК разработало собственные знаковые системы, взаимодействующие с вербальным текстом, а в некоторых случаях являющиеся и первичным источником формирования представлений аудитории о предмете (конкретном кинофильме).

Код кинотекста характеризуется как дестабилизированный, т.е. нарушенный, код эстетического сообщения: «Сообщение с эстетической функцией оказывается неоднозначным, прежде всего, по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код» (Эко 2006: 99). Но именно в этой дестабилизированности и проявляется его сущность и ценность. Деятельность критика, по мнению У. Эко, как раз и состоит в том, чтобы «реконструировать ситуацию и код отправителя, разбираться в том, насколько значащая форма справляется с новой смысловой нагрузкой, в том, чтобы отказываться от произвольных и неоправданных толкований, сопутствующих всякому процессу интерпретации» (Эко 2006: 122).

Выраженная в вербальном тексте интерпретация фильма критиком как «рассказ об опыте индивидуального просмотра» (Эко 2006: 108) включает в себя, с одной стороны, гетерогенный журналистский код, а с другой стороны – коды эстетики и киноведения. Вербальный критический текст изобилует «эстетической информацией» (Эко 2006: 108), укорененной в самом материале. Интерпретация критиком кинопроизведения воплощается в определенной риторической форме, под которой подразумевается нежесткая система средств, объективирующих то или иное содержание. Это также ведет к неоднозначности публицистического высказывания.

Невербальные реляционные элементы в структуре медиатекста призваны автоматизировать восприятие, упростить узнавание, дифференциацию аудиторией предмета, обеспечивают однозначность понимания высказывания.

Мы рассматриваем их как знаки, функционирующие в пределах одного конкретного СМК и образующие системы на основе синтаксической связанности (соположенности). Относительно вербальной части медиатекста они могут различаться степенью организованности и автономности. Такие знаковые подсистемы создаются средствами массовой коммуникации для формализации, а также объективизации ценностных реляций относительно предмета публикации (кинофильма).

Воспринимая сообщение, формируемое визуальными знаковыми системами, реципиент интерпретирует его в соответствии с собственным опытом, индивидуальной системой ценностей. Даже не читая текст, реципиент уже формирует представление о некоторых характеристиках его содержания и определяет дальнейшую поведенческую стратегию, в том числе идентифицирует себя с референтным сегментом аудитории. Таким образом, невербальные реляционные элементы являются инструментами тарирования между ожиданиями, предпочтениями аудитории и характеристиками фильма.

При использовании невербальных реляционных элементов интерпретация максимально облегчена, а сообщение, представленное такими элементами, практически эквивалентно математическому выражению.

Кинорецензия – разновидность медиатекста, предметом которого является кинофильм, имеющий визуальную природу. Традиционно (начиная с первых изданий о кино), необходимой составляющей кинорецензии является кадр из фильма – наиболее распространенный тип иллюстрации предмета кинорецензии. В редких случаях вместо кадра используются фотографии со съемочной площадки или постеры.

Кадр может говорить о цветовом решении фильма, актерах, играющих главные роли, о декорациях в которых развивается действие, времени или эпохе действия, месте действия (Индия, пустыня, футуристический мир), жанре фильма (вестерн, боевик, киномюзикл, роуд-муви), а в некоторых случаях и о соотношении сторон экранного изображения. Целенаправленный выбор того или иного кадра может являться попыткой передачи настроения фильма, эстетики (стимпанк, нуар).

Иллюстрация в кинорецензии служит не только источником дополнительной информации, но и способом привлечения внимания. Отбор кадров часто производится с учетом выгодной с точки зрения журнальной фотографии композиции, цветового решения, сюжета, «системы звезд».

Отмечаемые особенности отражают общую тенденцию к усилению визуальной составляющей языка СМИ в условиях медиаконвергенции, связанную с естественным стремлением к оптимизации коммуникации и повышению ее эффективности: встраивание в вербальный текст визуальных компонентов «резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения» (Кара-Мурза, 2007: 115).

Таким образом, невербальные реляционные элементы, будучи элементами креолизации, формируют новую графическую норму, направленную на лаконизацию вербальной части текста, выведение за его пределы прагматических аспектов содержания в жанрах рецензии, обзора, анонса, важной чертой которых является оценка предмета публикации, а ориентирование читателя в объектной области является ключевой функцией. При этом массовые и общественно-политические издания, стремящиеся к охвату широкой аудитории, а также сетевые ресурсы более активно, чем киноведческая пресса используют элементы креолизации, что обусловлено спецификой канала распространения.

Элементы креолизации помогают свести к минимуму количество вербального текста, являясь эффективным инструментом «упаковки» части содержания, предотвращения информационной перегрузки, выводя из вербальной области прагматическую составляющую текста. Представленные наблюдения отражают одну из актуальных тенденций в современных медиа – тенденцию к функциональной специализации вербальных и невербальных компонентов медиатекста, что, с одной стороны, способствует его структурированию, а с другой – обеспечивает взаимодействие с целевой аудиторией.

Список литературы:

- Анисимова, Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003, – 128 с.
- Ворошилова, М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения. Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 180-189 – . – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/voroshilova-06.htm>
- Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М., 2008 – . – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/116611/>
- Кара-Мурза, С.Г.* Власть манипуляции. – М.: Академический проект, 2007. – 384 с.
- Тертычный, А.А.* Социальное познание в журналистике (методология, методы, методика). Монография. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2009. – 185 с.
- Эко, У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко / пер. с итал. Веры Резник и Александра Погоняйло. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 538 с.

АННА ОРЛОВА

blimnula@mail.com

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В МУЖСКИХ КОНТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ

Известно, что красивые, роскошные и успешные женщины — это один из основных методов привлечения внимания к рекламе.

В наши дни реклама повсеместно эксплуатирует женские образы. Рядом с исследованиями установлено, что «по силе эффекта привлекательности именно изображения женщин занимают значительные позиции. Далее следуют дети, затем животные, особенно домашние, и только потом мужчины» (Грошев 2000: 1). С использованием женских образов рекламируются тысячи товаров: автомобили, косметика, средства для похудения, спиртные напитки, парфюмерия и многое другое.

Реклама как средство массовой информации способствует формированию гендерных стереотипов, самооценки и самоотношения аудитории, отсюда возрастает необходимость исследования особенностей восприятия женских образов в рекламе потенциальными потребителями.

Существует несколько оснований для выделения классификаций типов рекламных женских образов в работах авторов, ведущих исследования в области психологии рекламы:

И.В. Грошев выделяет образ сексуальной женщины, который является, по его мнению, самым распространенным в рекламе: «Порнографическое женское тело, используемое в рекламе, не знает ограничений... Рекламно-порнографический жанр с помощью женского тела — наиболее откровенный и «апокалиптический» из всех «плотских дискурсов» (Грошев 1999: 3).

Рис.1. Реклама декоративной косметики

Также Грошев описывает образ независимой женщины, который появился в последнее время в рекламе, особенно в зарубежной. «Образ женщины трансформируется и преподносится в совершенно непривычном для отечественного зрителя ракурсе. Именно женщина становится активной, занимает маскулинизированные позиции, уходит от привычной роли жены, матери, пытается реализовать себя как личность» (Грошев 1999: 3).

Рис.2. Реклама дизайнерской одежды

И последний образ, который можно выделить, — это образ женщины-домохозяйки. «Сама неестественная увлеченность рекламных женщин рутинным домашним трудом, их маниакальная одержимость по поддержанию чистоты, самоотверженная борьба с микробами, угрожающими семье, перманентное соперничество (отстирать чище, приготовить вкуснее, обслужить лучше) выдают наличие мужского компонента как некоего фона изображаемых событий» (Грошев 1999: 3).

Рис.3. Реклама интернет-ресурса для женщин

По мнению Д. Шиманова, женские образы делятся по соответствующим основным стереотипным ценностям на образы, используемые в рекламе для женской аудитории и образы, используемые в рекламе для мужской аудитории (Шиманов 2007).

В рекламе для женской аудитории эксплуатируются женские образы, приведенные ниже. Они разнятся в зависимости от возрастной и социальной градации целевой аудитории.

Образ беззаботной девушки

Один из основных образов женской рекламы — молодая, жизнерадостная девушка, не обремененная семьей и работой. Главные ее занятия — уход за собой и забота о своей привлекательности, завоевание новых поклонников, отдых на вечеринках, свидания, покупки, болтовня с подругами. Стремление быть красивой, привлекать к себе внимание мужчин, вызывать зависть соперниц — все это в рекламе признается важнейшей составляющей личности женщины данного типа. Чаще всего к этому образу обращаются в рекламе косметики и парфюмерии, напитков, в рекламе отдыха и развлечений.

Часто репрезентация этого образа опирается на стереотипные представления о большей, по сравнению с мужчинами, эмоциональности женщин. Женщина в рекламе зависима от сиюминутных настроений и ощущений. Об этом говорят следующие выражения: «доверьтесь ощущениям», «не грусти», «поддайтесь наслаждению», «настройся на лучшее». Героиня этих рекламных образов молода, привлекательна, мир ее радостен и беззаботен, жизнь легка.

Образ жены и матери

Другим не менее распространенным образом является образ домохозяйки, жены, матери. Жизнь этого персонажа направлена на «семейное благополучие», сохранение уюта в доме, заботу о здоровье близких людей. Она все знает и все умеет, в ее доме царит идеальная чистота и порядок, в этом доме тепло и уютно. Эта женщина прекрасно готовит, знает, чем лечить и как вкусно и правильно питаться, чтобы любому члену семьи быть здоровым и энергичным. Этой женщине обещают, что с приобретением данного средства в семье установятся любовь и лад, все дела будут спориться, и ее домочадцы непременно заметят и оценят ее усилия. В такой рекламе она действует, ориентируясь на мужчину, на его мнение, на его, а не на свои потребности, полагаясь на внешнюю оценку. Она действует так, поскольку стремится соответствовать социальным ожиданиям, сопутствующим данным женским ролям, и, что более важно, стремится своими действиями заслужить одобрение и похвалу со стороны мужчины — главы семьи. К этой группе относится реклама продуктов питания, различной бытовой техники, товаров для детей.

Образ деловой женщины (бизнес-леди)

Третья группа образов, представленных в рекламе, это образ деловой женщины. В ней на первый план выходят такие качества, как уверенность в себе, независимость, контроль над ситуацией. Женщина в рекламе, в основном, изображена в деловом костюме, с решительным взглядом. Возраст здесь не

играет существенной роли при характеристике адресата. Это может быть и молодая девушка, и женщина постарше.

В визуальной и вербальной характеристике актуализируются, прежде всего, ее волевые качества. Работа — не единственная сфера женских интересов. Сюда также входит забота о доме и себе, своем внешнем облике, красота для нее — это средство добиться успеха. Женщина за компьютером — наиболее стандартная форма изображения работающей женщины. Этот образ часто используется в рекламе офисной техники, автомобилей, парфюмерии и косметики. Как ни странно, очень популярен деловой стиль бизнес-леди для рекламы модной женской одежды. Образ матери и жены (хранительница домашнего очага) — Она все умеет: и готовить, и стирать, и убирать, и лечить — поэтому в ее доме полная гармония и порядок.

Образ беззаботной красавицы — жизнерадостная, молодая девушка с активной жизненной позицией, без семьи и работы постоянно заботится о своей внешности, соблазняет мужчин.

В рекламе, предназначенной для женщин, преобладает апелляция к эмоциям, присутствует оценочная эмоционально-экспрессивная характеристика товара. Визуальные составляющие связаны с обстановкой, типичной и естественной для женщины — залитый солнцем пляж, спокойное море, изображение природы, цветущей зелени; обстановка дома (мягкое кресло или диван, кухня); изображение магазинов, людных улиц города в светлое время суток; превалирование светлых и ярких тонов над темными. Если в женской рекламе рекламируется конкретный продукт (например, парфюмерия, продукты питания, аксессуары), то обязательно присутствует его фотография и описывается его польза и красота для женщины.

Реклама, при мужской характеристике адресата, предлагает различные психологические образы, а также различные гендерные роли. Это могут быть образы нежной, мечтательной девушки или девушки яркой, беззаботной, радостной, или строгой, независимой, решительной и целеустремленной взрослой женщины. Это может быть молодая мама, заботливая жена, деловая женщина. Но основным все равно будет оставаться образ привлекательной, беззаботной девушки, обеспокоенной своей внешностью и своей популярностью у мужчин. В рекламах, предназначенных для мужской аудитории, можно выделить несколько образов представления женщины.

Образы женщин в «мужской» рекламе

Образ, который можно часто встретить в рекламе, предназначенной для мужчин, — *глупенькая, недалёковидная женщина*. Чаще всего в этом образе выступают молоденькие блондинки или домохозяйки, нуждающиеся в совете или помощи сильного пола. Данный образ можно встретить в рекламе техники, автомобилей. Часто в данной рекламе демонстрируется неравноправие мужчин и женщин.

Следующий женский образ, встречающийся в мужской рекламе — это образ *любимой и любящей жены* или женщины, которая заботится о мужчине. Как правило, такие материалы иллюстрируются фотографиями пар, на которых

женщина с любовью в глазах преданно смотрит на своего партнера.

Но самый главный и часто встречающийся женский образ в рекламе для мужчин — это *образ сексуальной женщины*. Очевидно, что залогом успешной работы рекламы по ее воздействию на потребителя является ее искушающий, соблазняющий характер. Реклама не только обещает получение удовольствия одновременно с приобретением продукта («Баунти — райское наслаждение»), но и формирует само желание. И первым шагом на этом пути является создание желаемого объекта. В мужских рекламах этим объектом является женщина или женское тело, способные не только побуждать, но и пробуждать потребности покупателя, в качестве катализатора продажи товаров и услуг.

Устойчивость гендерных стереотипов прослеживается даже в таких всемирно известных женских журналах как *Cosmopolitan*, *Glamour* и *Essence*: в течение последних сорока лет их доминантной темой была и остается «как получить и удержать мужа» и связанная с ней проблема «как стать красивее». Исследователи сходятся во мнении, что в действительности единственной задачей подобных женских журналов является превращение женщины в куклу, которая станет предметом мужского потребления. Но, даже внешне гендерно-нейтральные издания также грешат на подобной ошибке. Проводимые исследования дают основания для вывода о том, что для прессы характерным является взгляд на женщину как на украшение, куклу, собственность мужа. Это сказывается в описании фигуры женщины не как отдельной личности, с собственным именем, а в отношении статуса определенного мужчины.

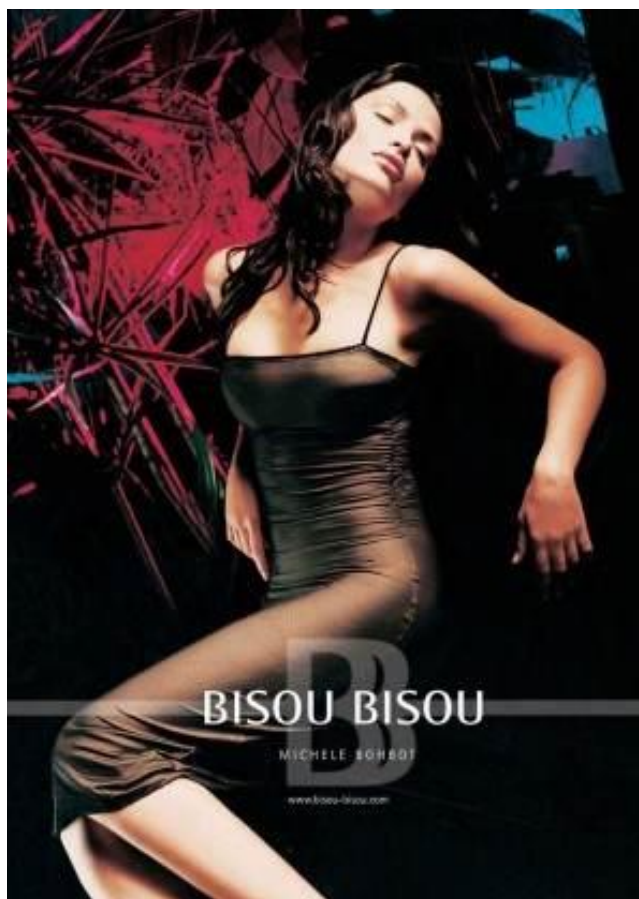
Таким образом, женщин приобщают к мысли, что они могут иметь какое-то значение лишь как тень своего мужа, поэтому принадлежать мужчине — это типичный женский способ существования. Следовательно, получение собственного мужа становится едва ли не самой главной задачей жизни женщины.

Практически все представленные образы, включая более эмансипированную «деловую женщину», смотрят на себя глазами мужчины, представляя себя объектом его желания.

Женское тело, демонстрируемое в рекламе сегодня, несет достаточно новую для себя функцию. Красота рассматривается теперь не как единство образа, а позволяет выделять те или иные части женского тела. Подобное расчленение происходит, с одной стороны, в зависимости от потребностей рекламируемого товара, с другой — учитывает традиционно сексуально привлекательные части женского тела. «Красота желаемой женщины наводит на мысль об отдельных частях ее тела, наиболее "покровных", наиболее животных» (Милякк 2002: 45). Использование такого элемента в рекламе основано на особенностях прежде всего психики, восприятия и фантазии мужчины, так как зрительный анализатор для него является наиболее чувственным эротическим каналом. Показ плеча, декольте, верхней части бедра женщины (элементов эротизма и сексуального раздражения) стимулирует воображение мужчины на самостоятельное достраивание спровоцированной рекламой сцены, недостающего сегмента этого рекламно-гендерного дискурсивного круга,

вовлекая зрителя таким образом в определенную игру с участием рекламируемого товара. Иными словами, женский образ, тело, фигура и прочее, способное пробуждать зачастую несколько извращенным способом потребности покупателя, используются в рекламе в качестве предмета сексуальной эксплуатации, побудителя потребностей покупателей, катализатора продажи товаров и услуг. В итоге для мужчин женское тело в рекламе является призывом к тому, что они должны делать: купив, обладать.

Рис.4. Реклама дизайнерской одежды

Женщина в рекламе внутренне не свободна. Она живет в рамках программы, заложенной рекламопроизводителем, стереотипа, постоянно рождающего один и тот же сюжет и воспроизводящего один и тот же сценарий, где ей, женщине, уготована единственная роль, которую она играет в комплементарном вакууме среди мужчин, а именно роль «катализатора» потребностей покупателей и стимула продажи товаров и услуг. Кроме того, обстоятельства работы в съемках рекламы, когда женщина-актриса выставляет себя на обозрение бесцеремонной публики (в основном мужской), схожи с обыденной ситуацией, которая ставит женщину в положение жертвы, хотя ей кажется, что игру ведет именно она.

Список литературы:

- Грошев, И. В.* Рекламные технологии гендера — Общественные науки и современность. 2000., — № 4. 1 с.
- Грошев, И. В.* Образ женщины в рекламе. — Женщина. Гендер, Культура. М., 1999. — С. 2-3.
- Крылов И.В.* Теория и практика рекламы в России. Антология рекламы : учеб.-метод. пособие / И. В. Крылов. — М. : Центр, 1996. — 184 с.
- Миллак К.* Женщина на экране / Онтопсихология., 2002. — № 8. 264 с.
- Скорнякова С.С.* Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов.- СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 225-231.
- Уэллс, У., Бернет, Дж., Мориарти, С.* Реклама: принципы и практика / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти; (пер. с англ.) — СПб.: Издательство «Питер», 1999 - (Серия «Теория и практика менеджмента»). - 96 с.
- Шеркович К.* Реклама и психология / К. Шеркович // Проблемы теории и практики управления. — М.: 1993. — № 3. - 110 с.
- Шиманов, Д.* Женские образы в рекламе. Что актуально: архетипы или гендерные тренды? / Д. Шиманов // Рекламодатель: теория и практика. - 2007. - **№ 11.** - С. 62-65